

ОДНА, НО ПАГУБНАЯ
СТРАСТЬ

A woman with blonde, curly hair, wearing a red dress and a tiara, is seen from behind, looking into a brightly lit doorway. The scene is set against a dark purple background. The woman's dress is a deep red with a silver belt and a low back. The doorway is framed by dark wood, and the light from within creates a strong contrast with the dark surroundings.

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Одна, но пагубная страсть

«ЭКСМО»

2006

Полякова Т. В.

Одна, но пагубная страсть / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2006 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-15485-X

Как заманчиво чужими руками сейф обчистить! Нет, Вы плохо не подумайте! Наталья просто хотела отнять собственные деньги у коварного Димки Рыбакова – шефа и бывшего обоже, который усиленно делал вид, что запамятовал про должок. И Наташка уговорила лучших подруг восстановить справедливость, а сама, как главное заинтересованное лицо, улетела в Геленджик обеспечивать себе алиби. Вот так Ленка и Катя стали грабительницами. Сначала-то все шло по плану: в офис проникли, полночи в шкафу пересидели, к сейфу прокрались. Только он, родимый, уже открыт, а все охранники перестреляны!..

ISBN 5-699-15485-X

© Полякова Т. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Полякова

Одна, но пагубная страсть

*Идет конкурс на то, какая фирма будет рыть канал.
Выступают американцы: «Мы выроем канал за два года, рыть
будем с двух сторон. Точность стыковки – метр».
Затем говорят японцы: «Рыть будем с двух сторон, срок – год,
точность стыковки – пятьдесят сантиметров».
А потом русские: «Выроем за три месяца. Рыть будем с двух
сторон. А вот точность стыковки... На худой конец у вас будет два
канала под Ла-Маншем».*

«Он засмеялся.

– А больше ты мне ничего не хочешь сказать?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– Ну что ж, мой телефон ты знаешь, и я каждый вечер в “Шанхае”...»

В этом месте я уже рыдала, слезы горохом катились по моим щекам, я всхлипнула и потянулась за платком, отложив любимую книгу в сторону. Как мы, женщины, иногда бываем слепы, не понимаем очевидного, проходим, можно сказать, мимо своего счастья. Потом, конечно, локти кусаем. Философские размышления пришлось прервать.

– Катька, ты чего? – услышала я над самым ухом и от неожиданности вздрогнула, начисто забыв, что в комнате я не одна. Две мои подружки стояли рядом и таращились на меня в полнейшей растерянности. Я посмотрела сначала на одну, потом на другую и обреченно ответила:

– Она его не любит.

– Кого? – нахмурилась Наташка.

– Тимура, – всхлипнула я.

Ответ поверг Наташку в глубочайшее раздумье, поняв, что одна не справляется, она повернулась к Ленке.

– Ты его знаешь?

– Кого? – в свою очередь спросила та.

– Тимура, естественно.

– Не-а. А ты? – Наташка интенсивно замотала головой, и обе подружки вновь на меня уставились.

– А кто его не любит-то? – додумалась спросить Ленка.

– Ольга.

– Воронина? – вновь заговорила Наташка. – Это из соседнего подъезда, что ли? Мать-одиночка? Я бы на ее месте не особо привередничала, коротышка с веснушками, без профессии, зато с ребенком, уж не знаю, чем ей не угодил этот Тимур.

– При чем здесь моя соседка? – возмутилась я.

– Так она же Ольга Воронина, мы ей от фирмы подарок новорожденному приготовили. Между прочим, твоя идея была, все уши мне тогда прожужжала: у ребенка коляски нет... А теперь что?

– Что? – растерялась я.

Наташка хмуро посмотрела на Ленку, та пожала плечами, мол, она здесь ни при чем, и обе вновь на меня уставились.

– Ты утверждаешь, что это не она, – разозлилась Наташка. Разозлиться ей ничего не стоит, а в гнев она страшна. Я уже заранее перепугалась и дипломатично спросила:

– О чем мы сейчас говорим?

Вопрос поверг подруг в смятение.

– Чего ревешь, я тебя спрашиваю? – рывкнула Наташка так, что я подскочила на диване, инстинктивно втянув голову в плечи.

– Иногда люди не способны понять друг друга, – ответила я.

– Так ты скажи так, чтобы я поняла, – прорычала Наташка.

– Я же объясняю: иногда люди не способны понять друг друга, принимают неверные решения, потом страдают, слезы льют...

– Какое неверное решение ты приняла? – забеспокоилась Ленка. Она вообще очень любит беспокоиться.

– И почему не посоветовалась? – рассвирепела Наташка еще больше.

– Я плачу от сочувствия, – вздохнула я.

– Так у кого проблемы?

– У моей любимой героини.

– Убила бы тебя, – со стоном заявила Ленка, выхватила книжку из моих рук и продолжила ораторствовать: – Совсем свихнулась на своих детективах, нет бы Толстого читала, Льва Николаевича. Тратишь деньги на всякую дрянь. – Ленка хотела в крайней досаде зашвырнуть книжку в угол, но тут я рассвирепела.

– Не тронь святое! – рывкнула так, что пришла Ленкина очередь подпрыгивать. – Толстого я в школе читала. Много мне прока от сцены охоты или первого бала Наташи Ростовской. Ты на балах часто бываешь?

– А от детективов твоих какой прок? – язвительно поинтересовалась Ленка.

Наташка наблюдала за нашей перепалкой, заметно успокоившись.

– Есть прок, – широко улыбнулась я. – На прошлой неделе, когда с озера возвращались и нарвались на тех придурков на мотоциклах, кто собирался в обморок падать?

– Конечно, толпа идиотов, а рядом только родная природа... – оправдываясь, нахмурилась Ленка.

– Точно. А чем все закончилось? Ребята отвезли нас на станцию, не пришлось пешком топтать три километра. Оказались вполне приличными людьми.

– Повезло, – кивнула Наташка, соглашаясь. – Ты тогда очень душевно с ними поговорила.

– Вот-вот. Поговорила. И вовсе не повезло. Между прочим, я не меньше вашего перепугалась, но вовремя вспомнила, как в моем любимом детективе героиня оказалась в такой же ситуации и вместо того, чтобы в обморок падать, взяла себя в руки и... дальше вы знаете.

– Глупости все это, – надулась Ленка, выдав свое любимое изречение, которое она произносит, когда ответить нечего. – Чем рыдать над проблемами выдуманных персонажей, – ядовито продолжила она, – ты бы лучше подруге посочувствовала.

– Тебе?

Ленка закатила глаза, а Наташка нахмурилась.

– Все-таки это свинство с твоей стороны, – заметила она. – Я битый час о своих страданиях распинаюсь, а ты...

– Я просто хотела дочитать, мне всего-то тринадцать страничек осталось, самое интересное... А что там с твоими страданиями? – робко поинтересовалась я.

– Форменное свинство! – всплеснула Ленка руками.

– Влюбилась в кого? – спросила я с надеждой.

– До любви ли мне сейчас? – возмутилась Наташка. – Твою подругу на бабки разводят.

– Кто?

– Ты что, в самом деле ничего не слышала? – нахмурилась она. Ответ явственно читался на моем открытом лице, и Наташка сама себе с прискорбием ответила: – Не слышала.

– Расскажи еще раз. Тебе что, трудно?

– В твоих любимых детективах подружки за подруг горой, – ехидно напомнила Ленка, – а ты Наташку даже не слушала.

– Тебе откуда про детективы знать, ты же только классику читаешь? – не удержалась я от ответного ехидства.

– Кто-нибудь мне посочувствует или вы продолжите литературный спор? – возмутилась Наташка.

Нам стало стыдно, и мы примолкли.

Наташка была у нас самой старшей, она уже успела закончить институт и пять лет работала в строительной фирме. Иногда я ей жутко завидовала. Прежде всего потому, что жила она одна и абсолютно самостоятельно. Никто над душой не стоит, не будит по утрам вместо будильника... «Завтракать надо плотно, с едой в кровь поступает сахар, и мозг начинает работать», – это папа. «Ты посмотри, у тебя вся спина голая, что это за дурацкая мода носить джинсы на копчике, а куртку по грудь? Застудишь почки, ты же девушка, тебе рожать», – это, конечно, мама. «В наше время девочки вели себя скромно и никогда не звонили мальчикам», – бабушкины светлые мысли. Дедуля тоже в стороне не остался: «Зарядку надо по утрам делать. В здоровом теле здоровый дух. А в выходной на рыбалку, на свежий воздух». Дедуля ждал внука, да так и не дождался, так что на рыбалку с ним приходится ездить мне. Наташка счастливо избавлена от всего этого, потому что живет в отдельной двухкомнатной квартире, у родителей появляется не чаще раза в неделю и на такой непродолжительный срок, что о нравах они вспомнить не успевают. Закончу учебу, тоже буду жить одна... если родители отпустят. Наташка представлялась мне счастливым человеком не только потому, что жила отдельно, имела хорошую работу с весьма внушительным окладом (этого, при известном старании, и я добьюсь), главное, с ней постоянно что-то случалось. То влюбится в женатого и его жена скандалить придет (настоящий триллер), то клиент окажется жуликом, а Наташка его разоблачит (форменный детектив), то чемоданы в аэропорту перепутает (комедия положений).

В моей жизни не случалось ничего. Хоть бы какое-нибудь крохотное приключение было. Самолеты не опаздывают, вещи не теряются, парни все на редкость положительные. Я даже по вечерам по улице хожу без опасений, твердо зная: ничегошеньки со мной не случится. Приключения не для меня. Это у других, что ни день, то новое событие, а у меня сплошная проза. Жизнь проходит, и ничего-то в ней не происходит. То ли дело в моих любимых детективах. Хоть бы раз свалилось мне на голову такое счастье. Приключение, я имею в виду. Так ведь нет. Или хоть бы влюбиться безответно...

Но и тут непруха. Несчастный я человек...

Другое дело Наташка. Вот опять страдает, жизнь, так сказать, бьет ключом. Еще один повод ей позавидовать: Наташка у нас красавица. Настоящая роковая женщина. Волосы темные до плеч, глаза карие, ресницы длинные, нос с горбинкой, рот большой, губы полные. Ноги от плеч, и четвертый номер бюста. Мужики столбенеют. А у меня нос курносый, глаза голубенькие, губешки бантиком, прибавьте дурацкие ямочки на щеках да еще кудряшки. Разумеется, я блондинка. А кто ж еще? Только и слышу со всех сторон: «Ой, какая же ты хорошенькая!» Спасибо большое. Волосы я перекрасила и усердно их выпрямляю, но перемены не порадовали: выпрямляются они неохотно и на очень короткий срок, зато отрастают быстро, так что либо раз в неделю их надо красить, либо оставить всякую надежду. Что я и сделала, потому что краситься четыре раза в месяц денег нет. В общем, единственная моя радость – это детективы. Вот уж где жизнь...

Наташка – двоюродная сестра Ленки, а с Ленкой мы дружим с детства. И с Наташкой, разумеется, тоже, несмотря на разницу в возрасте. Ленку никто никогда ни красавицей, ни даже

хорошенькой не называл, и она решила быть умной. Читает Достоевского, слушает классику и на этой почве стала очень нервной. Оно и понятно: кто ж такое издевательство долго выдержит? На днях смотрели фильм какого-то датского режиссера, на афише честно предупредили: «Кино не для всех»... Мне-то что, я до тысячи досчитала и счастливо уснула, а умные-то на умных фильмах не спят, вот Ленка и мучилась, зато ночью вздрагивала, так ее проняло. В общем, Ленка помешана у нас на классике, я на детективах, Наташка тоже не без придури, у нее свое увлечение: фэн-шуй. Подруга уверена, что он (она или оно, не знаю уж, как правильно) деньги приносит. У нее по углам горшки с рисом, китайские монетки с дырочкой и сто евро в рамочке, в зоне богатства. Наташка утверждает: очень сильный талисман. Да уж, сильный: у нее на прошлой неделе машину угнали, а чуть раньше кошелек свистнули с месячной зарплатой. Но Наташка говорит, что чем больше денег уходит, тем больше их потом возвращается. Так что непонятно, чего она сегодня из-за денег так волнуется. Надо поставить у дверей горшок побольше и терпеливо ждать.

– Ты опять спишь? – грозно спросила она, сверля меня взглядом. – Я третий раз повторять не буду.

– Я не сплю, – ответила я с обидой. – Я думаю, как тебе помочь.

– Говорила я тебе, Дима твой –! – тут же влезла Ленка. – Доверять ему никак нельзя.

Опять же, женат.

– Он развелся.

– Но на тебе не женился.

– Я б за него и сама не пошла. Вот уж счастье... И дело сейчас не в этом.

– А в чем? – додумалась спросить я.

– Да что это за наказание? От родных подруг и никакого сочувствия! Бабки он мне должен. А отдавать не хочет.

– Ты ему в долг давала? – удивилась я. – Что-то я такого не припомню.

– Откуда у меня бабки, чтоб ему в долг давать? У меня папа не Рокфеллер, а хирург в больнице.

– Это я помню, – удовлетворенно кивнула я, переход от любимого детектива к суровой реальности давался мне нелегко.

– Он мне бабки должен, понимаешь? Потому что мы так договаривались. Хрен бы он под застройку участок получил, участок-то золотой, считай, в самом центре. Я из кожи вон лезла, все свои связи подняла, пошла к придурку Гаврюшкину... Помнишь того лысого, с которым я новую жизнь начинала?

– В прошлый понедельник?

– Не путай меня! В прошлый понедельник я начала вести дневник. Буду вписывать все свои победы и поражения. Так в себе лучше разобраться. И потомкам радость. О чем это мы? – нахмурилась Наташка, потеряв нить разговора.

– О потомках, – с готовностью подсказала я.

Наташка рукой махнула:

– Не до них мне сейчас.

А Ленка охотно подсказала:

– О бабках. Твой Дима Рыбаков обещал тебе деньги...

– Вот. Потому что я этот участок потом и кровью...

– Гаврюшкин! – озарило меня.

– Ну, Гаврюшкин, – кивнула Наташка, приглядываясь ко мне. – А чего ты его вспомнила?

Кстати, я ему за содействие бабки обещала, он все честь по чести сделал. И с какой рожей я теперь ему скажу: «Виктор Аркадьевич, денег нет и не будет, потому что этот козел нашел себе дуру-продащицу»?

– Так вот в чем дело, – невероятно обрадовалась я, начав кое-что понимать. – Твой Рыбков завел любовницу, вы поссорились, и он...

– Любовницу! – фыркнула Наташка. – Ты бы видела это существо. Глазки красненькие, рыльце узенькое, носик длинненький... – Тут она машинально взглянула на нашу Ленку, которая мрачнела на глазах, вздохнула и торопливо продолжила: – Дело даже не во внешности, она еще и дура, каких свет не видывал. Впилась в него, точно клещ, соображает, скудоумная, что дураков, чтоб на нее позариться, днем с огнем не сыщешь...

– Он-то вот позарился, – не без яда заметила Ленка.

– Позарился. Потому что идиот. Ему чем баба глупее, тем распрекрасней он себя чувствует. Я ему прямо так и сказала: «Дима, люби свою торговку на здоровье, расстанемся интеллигентно, я не собираюсь мешать твоему счастью».

– Правильно сказала, – кивнула я.

– Кто бы спорил... А этот гад узнал, что я встречаюсь с одним парнем...

– С кем ты встречаешься? – в два голоса спросили мы.

– Ну... пригласил меня человек поужинать. Я вам сейчас фотку покажу. Мы когда в «Эрмитаже» ужинали, нас там фотографировали.

Наташка метнулась к своей сумке, а мы с Ленкой переглянулись и вздохнули. С любовью у нас было не густо. Мне попадались парни, по большей части, совершенно неинтересные, Ленке вовсе никто не попадался. Наташка вернулась с фотографией, на ней была запечатлена она сама в небесно-голубом платье с блестками.

– Какая ты красивая! – ахнула я.

– Да? Ничего получилась.

– Она фотогеничная, – заметила Ленка, бог знает на что намекая.

– Она настоящая красавица, – возразила я.

– На вкус и цвет... – начала Ленка, но тут Наташка возвысила голос:

– Я вам зачем фотку принесла? Чтоб вы на меня смотрели?

Под руку с ней на фотографии стоял мужчина. Сердце мое мучительно сжалось. Вот если бы мне такой встретился... Высокий, одет прилично, мужественное лицо, а какая улыбка...

– Где вы познакомились? – нахмурилась Ленка.

– На улице.

– Как это?

– Очень просто. Иду с работы, тут он навстречу, слово за слово, вот и познакомились. Обычное дело.

– Как для кого, – вздохнула я.

– К тебе что, парни на улице не пристают?

– Такие нет, – честно ответила я. – Взрослые мужчины со мной только сюсюкают, как будто я ученица начальных классов.

– Просто ты выглядишь моложе своих лет, – сказала Наташка и, видя мою печаль, успокоила: – Не переживай, это быстро пройдет.

– Я считаю, что знакомиться на улице вообще неприлично, – заявила Ленка.

Наташка скривилась:

– Тебя-то кто спрашивает? Читай Льва Николаевича и жди первого бала. Что-то мы опять отвлеклись, – задумчиво произнесла Наталья. – Весь вечер пытаюсь вам рассказать о своих проблемах, а вы все перебиваете и перебиваете.

– Ты познакомилась с парнем. Как его зовут, кстати?

– Матвей. Миленко, правда? Главное, не заезжено. Если честно, меня от Денисов и Тимофеев уже тошнит.

– А кто такой Денис? – спросила Ленка.

Мы втроем уставились друг на друга. Похоже, ответа на этот вопрос никто не знал.

– Давайте чай пить, – предложила я.

– Подождите, а мои проблемы? – возмутилась Наташка.

– А чего случилось-то? – спросила Ленка.

– Господи, за что мне это? – заломила Наташка руки. – Идешь к близким людям в надежде, что тебе помогут, поддержат... И что? Задолбают дурацкими вопросами.

– Ты познакомилась с парнем, – напонила я. – И что? Он потерял голову, готов ради тебя на все? – Я была уверена, мужчины при виде Наташки просто обязаны терять голову. Настоящие мужчины по крайней мере. Кто такие «настоящие мужчины», я внятно ответить не берусь, зато запросто представляю героев моих любимых детективов – вот уж где настоящие мужчины, ради любимой готовы горы свернуть. Я потянулась к заветной книге, но тут вновь пришлось вернуться к мрачной действительности, потому что Наташка ответила:

– Ну... пока наши отношения зашли не слишком далеко... И тут о нем узнал Димка, – невероятно обрадовалась Наташка. Радость ее относилась к тому факту, что она вспомнила, что собиралась нам поведать. – Какой скандал он мне закатил! Вы бы слышали, что орал этот подлец... А между прочим, буквально в трех шагах от нашей фирмы его красноглазая торгует бракованными колготками. Нет существа коварней мужчины! – Мы согласно кивнули, а Наташка продолжила: – Я ему сказала: «Дима, у тебя своя жизнь, а у меня своя, ты сделал свой выбор, и я, как свободная женщина...» В общем, совершенно интеллигентно и без крика объяснила, что к чему...

– А он?

– А он, пакость этакая, отобрал у меня мобильный, что фирма оплачивала, машину вместе с водителем и даже кондиционер уволок из моего кабинета в свой. И это в такую жару...

– Мерзавец! – охнула я.

– Низкий тип, – согласилась со мной Ленка.

– Но это еще цветочки. Я ему: «Дима, мне нужны деньги», а он мне кукиш.

– Что он тебе? – не поняла Ленка.

– Фигу мне показал. «Не будет тебе, – говорит, – никаких денег». Всю неделю я пыталась его образумить – без толку. И вот что я вам скажу: это он вовсе не из ревности. Ревность – просто предлог, Дима жмот и жулик и с самого начала делиться не собирался. А ведь соло-вьем заливался: «Наташка, помоги, если мы это место выйдем, десять процентов всей прибыли твои. Ты только Гаврюшкина уговори». А теперь, вражина, глаза таращит: «Какие, – говорит, – деньги?» Вот и верь мужикам после такого!

– Но как же... – заволновалась я. – Должен быть способ...

– Какой способ? – вздохнула Наташка. – Если б договор какой составили, а так... все на словах. Если честно, я тогда за него замуж собиралась, потому и рассуждала, что все деньги и так мои, а теперь... Опять же, не напишешь ведь в договоре, что мне полагаются десять процентов за дачу взятки должностному лицу.

– Можно было написать – за посреднические услуги, – робко заметила я.

– Если б даже и был договор, все равно бы этот гад нашел способ мне деньги не отдать. Уж можете мне поверить. А мне еще теперь с Гаврюшкиным объясняться, он ведь бумажки подписал не за просто так, он на свой процент рассчитывает. И что я ему скажу? Ужас. – Наташка стиснула виски ладонями, немного помолчала и добавила: – Вот, поделилась с вами, и легче стало. Ладно, побегу, мне в парикмахерскую.

– Подожди, – заволновалась я. – А как же деньги?

– Да, как же деньги? – встрепенулась Ленка. – Нельзя прощать подобное, тебе надо пойти к нему и сказать: вы бесчестный человек и вор.

– Ага, и на дуэль его вызвать, – подсказала я, заподозрив, что подруга от классики окончательно свихнулась. – Да ему на такие слова...

– Что же тогда? – обиделась Ленка.

– Ну, не знаю, – вздохнула я. – Надо подумать. Настоящая женщина не позволяет себя обманывать всяким придуркам, а если такое случается, она находит способ отомстить и деньги вернуть.

– Да? – заинтересовалась Наташка. – А как?

– В зависимости от обстоятельств, – кашлянула я. – О, вспомнила! Один тип взял у нее деньги и не возвращал...

– У кого? – не поняла Наташка.

– У героини. Жулик оказался. Она квартиру покупала, а он был вроде посредника...

– Зачем же она деньги посреднику отдала? – удивилась Наташка. – Уж сколько дуракам твердят...

– Подожди, это давно было, во времена перестройки.

– Ну, если только... И как она деньги вернула?

– Свистнула у него пленку, а на ней был компромат. Парня даже из-за того компромата потом убили.

– Где же я пленку возьму с компроматом? – нахмурилась Наташка.

– Может, у твоего Димки какая завалялась?

– Может, и завалялась, да как же я ее свистну, если знать о ней ничего не знаю?

– Логично, – кивнула я. – Надо подумать...

– Ты сказала, парня убили, – заволновалась Ленка.

– Ну...

– Может, не стоит думать в этом направлении? Тем более ты сама говоришь, история с пленкой давно была, так что пример вряд ли нам подходит.

– Вот что, дай-ка мне что-нибудь почитать, – заявила Наташка, подошла к полке и сняла сразу пять любимых детективов. Они у меня отдельно стоят, на видном месте, все сорок шесть штук. Когда мне одиноко, одолевает печаль или мучают мысли о напрасно прожитой жизни, я беру один из них... Пять книг в ярких обложках исчезли в бездонной Наташкиной сумке, а я тяжело вздохнула, точно потеряла любимого.

– Не забудь вернуть, – робко попросила я.

– Не жмотничай, – осадил Наташка. – У подруги горе, а ты о своем добре печешься.

– Я не жмотничаю, – устыдилась я. – Просто я специально подбирала, чтоб обложка к обложке...

– В книгах важно содержание, – встряла Ленка. – Подбирать книжки по обложкам – мещанство и вообще дурной тон.

– Иди Толстого читай, – прорычала я, и Ленка с достоинством удалилась вместе с Наташкой, на прощание показав мне язык. Вот вам и воспитание. Я всегда говорила: классики до добра не доведут, только мозги пудрят. То ли дело... Взгляд мой натолкнулся на книгу, которую я дочитала сегодня. С любовью я взяла ее в руки, прижала к груди и перенеслась в мир грез. Теперь можно и поплакать вволю, раз никто не мешает. Не заметив как, я открыла книгу и углубилась в текст, сердце сладко зануло. А что, хорошую-то книгу не грех и второй раз прочитать. Правда, эту я принялась читать уже в пятый, но тоже не грех.

Телефонный звонок разбудил меня в час ночи. «Кто-нибудь ошибся номером», – подумала я, шаря рукой в поисках мобильного. Как я уже сказала, ничего похожего на приключение в моей жизни сроду не было, и сейчас я на них не рассчитывала. Хотя самое бы время – бабушка с дедушкой на своей даче, папа с мамой на гастролях, каникулы и погода хорошая. Ну, хоть бы какое приключение... На мобильном высветился Наташкин номер, и я торопливо ответила, сначала шепотом, но вспомнила, что в квартире одна, и повторила громче:

– Что случилось?

– Бери Ленку, и дуйте ко мне. Я ей уже звонила, – сказала Наташка.

– Да что случилось-то? – забеспокоилась я.

– Дело есть. Пошевеливайся. – В голосе Наташки слышались дотоле незнакомые ноты.

Я вскочила, хотела заправить постель, но лишь рукой махнула: подождет.

Через десять минут я была возле Ленкиного дома, благо что живет она по соседству. Устроилась на скамейке и стала ждать. Если Наташка сказала, что Ленке уже позвонила, мне суется ни к чему, тем более что перспектива нарваться на ее родителя особо не радовала – начнет воспитывать и доведет до инфаркта, он один стоит четверых моих предков.

На ближайшей лоджии первого этажа послышался шорох, я приподнялась со скамьи и увидела Ленку, она как раз прикрывала дверь. Лоджия у них не застекленная, зато забрана решеткой (родитель ее помешался на безопасности), Ленка отперла замок, который, с моей точки зрения, сорвать труда бы не составило, открыла одну створку и неловко полезла наружу. В ней килограммов десять лишних, и вообще она не очень расторопная.

– Чего глаза пялишь? – возмутилась подружка. – Лучше помоги.

Я подставила сплетенные замком руки и помогла ей спуститься.

– Тебе надо худеть, – сказала укоризненно.

– Решетку закрой, – буркнула Ленка.

Пришлось лезть вверх и запирать решетку, для меня это пара пустяков, но все равно обидно, и я вернулась к теме похудения.

– Какой идиот выдумал, что женщина должна быть тощей? – возмутилась Ленка на мои увещания сократить себя в весе. – Ты картины Рембрандта видела?

– Еще бы. Торжество целлюлита.

– Допустим, пример не очень удачный. А что ты скажешь о Боттичелли?

– Ничего. Я с ним незнакома.

– Я картины имею в виду. «Рождение Венеры». Где там целлюлит?

– А где там лишние десять килограммов?

– Свинья ты невоспитанная, – возмутилась Ленка. – Нет бы поддержать подругу.

– Я тебя без конца поддерживаю и, если честно, уже боюсь надорваться. Потому и говорю: тебе надо худеть. Или как-нибудь обходись без моей помощи.

– Ты куда идешь? – вдруг спросила Ленка и встала как вкопанная. Я, признаться, удивилась, потому что была уверена: она знает, раз Наташка ей звонила.

– К Наташке, – ответила я с сомнением. Может, возникли другие предложения?

– Через парк? Ночью? – Ленка взглянула на меня так, точно сомневалась в моем здравомыслии или наличии у меня ума вообще.

– Так ведь по проспекту в два раза дольше? – удивилась я.

– Но там безопаснее.

– Если ты на предмет маньяков или хулиганов, – вздохнула я, – так я тебе сразу скажу: даже не мечтай. Ты что, забыла? Со мной же ничего никогда не случается.

– А если...

Но я уже вошла в парк, Ленка побрела за мной. И тут кто-то громко крикнул:

– Помогите!

Признаться, я едва не хлопнулась в обморок от неожиданности. А может, и от счастья: вдруг в небесной канцелярии что-нибудь перепутали, и теперь на мою долю выпадет хоть какое-нибудь приключение? Лично я готова ко всему, мне бы только... Вслед за криком раздался громкий смех, убив мечту в зародыше, а затем и голос:

– Кончай дурака валять, а то кто-нибудь милицию вызовет.

– Не везет, – вздохнула я, пожав плечами.

– Ты докаркаешься, – возмутилась Ленка, которая успела здорово перетрусить. – Начи-
таешься всякой дряни, потом...

– Потом суп с котом. Неужели тебе не хочется, чтобы тебя, к примеру, кто-нибудь спас? Ночь, хулиганы, и тут он...

– Конечно, хочется, – буркнула Ленка. – А если ночь, хулиганы, а его нет? Задержался где-нибудь?

– Ага. Запил. Как твой папаша.

– Папа пьет от нервных стрессов. Он за меня, между прочим, боится. Кругом сплошной криминал...

– Хоть бы раз его увидеть.

– Кого? – нахмурилась Ленка.

– Криминал, естественно, не папу же твоего, его-то я каждый день вижу. Он, кстати, в запой не собирается?

– Признаки есть. А что?

– Ну... предки у меня вернутся не скоро, мы могли бы немного расслабиться, но с твоим папой это совершенно невозможно.

– Да уж, точно, – вздохнула Ленка. – Будем надеяться, вдруг запьет. Время самое подходящее.

Мы миновали парк и вышли к Наташкиному дому. Неподалеку от ее подъезда паслись молодые люди в количестве пяти человек. Ленка замедлила шаг, но молодые люди направились к проспекту, а я, взглянув на Ленку, пожалала плечами.

– Со мной хоть всю ночь тут шליйся – без толку. Никакого приключения, даже самого завалющего. А жизнь неудержимо проходит...

– У тебя парней куча, а ты еще жалуешься! – возмутилась Ленка.

– Какой от них толк, они все скучные.

– Все равно, хоть скучные, но есть. А у меня вообще никого. После Юрки Кузнецова ни с кем даже не целовалась.

– Не поминай Юрку к ночи, вдруг приснится.

– Вот-вот. Конечно, это был жест отчаяния, но если б не он, я до сих пор ходила бы в девицах. Стыд да и только.

– И это говорит любитель классики! – закатила я глаза. – Ты ж должна быть девушкой скромной и целомудренной. Как Наташа Ростова.

– Ага. А кто удрал с первым подвернувшимся проходимцем, забыв про князя? Лиза с Молчалиным ночи напролет у папаши под носом развлекалась, хотя, конечно, дом большой, не чета нашим квартирам. А Катерина в «Грозе»? Муж из дома, она к любовнику.

– Весь девятнадцатый век погряз в разврате, – подытожила я.

– А посиди-ка взаперти... – кивнула Ленка. – У нас хоть телевизор есть, а у них что? Не с хорошей жизни бросались тогдашние девушки на шею первому встречному, как я Юрке Кузнецову.

Мы вошли в подъезд и потопали на седьмой этаж ножками – лифт, понятное дело, не работал. Наконец добрались до Наташкиной квартиры и позвонили. Дверь через мгновение распахнулась, и мы увидели красавицу Наташку в пеньюаре и слезах. Сердце мое рухнуло вниз, а Ленка сжала руки на груди и вознамерилась голосить. Ясное дело: случилось страшное. Но тут я заметила яркий томик в Наташкиных руках и пугаться решила не спешить.

– Она его не любит, – сказала Наташка с отчаянием. – Зачем тогда с ним осталась?

– Чтобы любимого спасти, – вздохнула я, входя в квартиру.

Тут и Ленка начала кое-что понимать и завопила:

– Еще одна чокнутая на мою голову! Ты из-за этого нас позвала?

Лично я ничего не имела против: посидим, потолкуем о любимых персонажах, выпаться и завтра можно. Но и Ленку нетрудно понять: если папаша ее хватится, скандал обеспечен, а в детективах она ни в зуб ногой, так что в беседе от нее толку никакого.

– Позвала я вас совершенно по другому поводу, – с достоинством ответила Наташка и повела нас в кухню.

И тут пошли дела странные. Я бы даже сказала – загадочные. Прежде всего поразила бутылка водки и три стопки, заблаговременно выставленные на стол. Простенький натюрморт разнообразили шпроты в банке, салат из помидоров и три ломтя черного хлеба.

– Поминаем кого? – испугалась Ленка.

– Дело есть, – посуровела Наташка, села за стол и водку разлила.

– А пить зачем? – на всякий случай спросила я.

– Такое дело, что без водки никак, – ответила Наташка. И мы выпили. Лично я с большой неохотой – водку я вообще не люблю, а тут еще среди ночи. Но если Наташка сказала, что без нее никак, надо пить. У Ленки водка любимый напиток, это вроде классики – проверено временем, а главное, помогает ей раскрепоститься. Иногда она так раскрепощается, хоть святых выноси. Наташка предпочитает мартини, так что водка продолжала волновать мое воображение.

– Ты мне еще книжек дай, – сказала вдруг Наташка, закусывая. – Сколько полезного можно обнаружить в самом неожиданном месте!

– Ты о чем? – спросила я.

– О своей незавидной доле, – ответила она со вздохом. – У меня теперь одна печаль и одна забота: как у подлеца Димки деньги отобрать.

– Может, тебе с ним помириться... или правда замуж выйти? – предложила Ленка.

– За эту скотину? Да я лучше в старых девах загнусь! Ой, не приведи господи... Короче, думала я, думала и вот что решила. Надо нам Диму ограбить.

– Как? – спросила Ленка, заметно раскрепостившись, потому что мы уже успели выпить по второй.

– Очень просто. Бабки заберем из сейфа. Код я знаю и ключ себе давно сделала. Когда он в запое, ключи и документы всегда мне отдает. Я и воспользовалась.

– А много ли денег в сейфе? – задала я вопрос.

– В среду будет сто сорок тысяч баксов.

Мы с Ленкой уважительно присвистнули, но я все-таки спросила:

– А сколько он тебе должен?

– Должен он мне даже больше, но надо же с чего-то начинать. К тому же моральное удовлетворение дорогого стоит.

– Ага, точно, – поддакнула Ленка. – Значит, в среду ты возьмешь деньги...

– Не я, а вы, – сказала Наташка, разливая по третьей. – Если их возьму я, эта гнида, чего доброго, меня за решетку отправит, с него станется.

Ленка перестала раскрепощаться и заволновалась.

– А нас что, не отправит? Ты ему не чужой человек, а мы вообще кто? Чего ж ему с нами церемониться? Сама же говоришь – гнида.

– Подожди, дай сказать человеку, – перебила я, потому что верила в светлый ум Наташки.

– Просто прийти и взять деньги – не годится, он их назад отберет да еще тюрьмой застрашает. Значит, надо инсценировать ограбление. Я тут не зря три дня книжки читала. До чего полезная литература, просто на все случаи жизни! Теперь-то я поняла, как неправильно вела себя с итальянцем. Помните того, что прилетал с делегацией из Тосканы? Да если б я тогда эту книжку прочитала, сейчас жила бы в Италии, в каком-нибудь палаццо, а вы ко мне на все каникулы...

– Оно бы неплохо, – пискнула Ленка, светлея лицом, но тут вспомнила, что итальянец давно накрылся, вернее, скрылся, и поскучилась. – Но теперь, когда ты так много знаешь... – проямлила она.

– Что там с ограблением? – подала я голос, пока Наташка разливала по четвертой.

– Мы инсценируем ограбление. У меня будет алиби, а вас подозревать просто глупо. Деньги делим по-честному.

– Поровну? – уточнила Ленка.

– Ну... Все проще простого. Мы с бабками, шельмец наказан, а там посмотрим, может, еще и помирюсь с ним. Только я теперь умнее буду и провести себя не дам.

– Как же мы будем грабить? – забеспокоилась Ленка. – У нас ни оружия, ни навыков. Нас обязательно поймают.

Если честно, несмотря на жажду приключений, здравый смысл и мне подсказывал, что Ленка права. Придем мы в офис, там полно мужиков... И кто нас испугается, если оружия нет? Еще и милицию вызовут.

– На кой вам хрен оружие? – удивилась Наташка. – С оружием это грабеж, а вы просто тихо-мирно возьмете денежки из сейфа. Хватятся их утром, и что?

– И сразу зададутся вопросом: у кого от сейфа ключ был, – подсказала я, здорово подна-торев в таких делах. В детективных, я имею в виду. По книжкам, разумеется.

– А на этот вопрос пусть Дима отвечает, – плотоядно улыбнулась Наташка. – Не пойман – не вор! У меня алиби будет железное, я во вторник в Геленджик улетаю.

Признаться, у меня неприятно засосало под ложечкой.

– Как во вторник? – спросила я.

– Так. Улетаю я во вторник, а грабить вы пойдете в среду. То есть в четверг, конечно, потому что ночью.

– Честно говоря, у меня большие сомнения, – запаниковала Ленка.

– Никаких сомнений! – отрезала Наташка. – План продуман до мелочей. – Она сходила в комнату и вернулась оттуда с бумагами. Убрала посуду и разложила бумаги на столе. К моему величайшему беспокойству, бумаги оказались планом офиса. – Конечно, проще всего влезть в окно, – бодро заявила она. – Но второй этаж, Ленка не справится. К тому же сигнализация. – Впервые я была признательна Ленке за ее лишние килограммы, но радость моя оказалась преждевременной. – Окно не годится, это я сразу поняла, – деловито продолжила Наташка. – И тут мне пришло в голову... Как известно, все гениальное просто. Вы знаете, что на нашем этаже расположен офис турфирмы?

– Да... Нет... – одновременно ответили мы с Ленкой и нервно переглянулись.

– Это вот здесь, – ткнула Наташка пальцем в план. – А теперь слушайте и поражайтесь моей гениальности. Офис работает до 19.00. В это время все наши уже дома. Бывает, кто-то задержится, но такое редкость. В 18.10 вы приходите в турагентство, естественно, хорошо загримированные – парики там, шмотки... Я обеспечу. Потом все сожжете. Приходите, долго выбираете путевку и говорите, что подумаете, а завтра утром явитесь с готовым решением. Прощаетесь с девчонками и идете вот сюда. – Она вновь ткнула пальцем в план. – А что у нас здесь?

– Твой кабинет, – ответила я.

– Точно. А вот ключи от моего кабинета. Если я в отпуске, кабинет будет заперт. И никто туда не сунется, потому что знают: я этого терпеть не могу. На этаже, скорее всего, уже ни души, здесь коридор делает поворот, так что, если даже девицы из турфирмы пойдут следом за вами, вас они не заметят. Вы входите в мой кабинет, запираете дверь и...

– И?... – спросила Ленка, облизнув губы и ожидая самого худшего.

– Укладываетесь в шкаф.

– Что? – обалдела Ленка. Конечно, если одну классику читать, быстро врубаться не научишься.

– У меня в кабинете шкаф-купе, – терпеливо пояснила Наташка. – Просторный, широкий, там даже раскладушка есть.

– Зачем?

Признаться, этот вопрос и меня заинтересовал. Но почему-то смутил Наташку. Она пожала плечами и ответила:

– Сейчас уже и не вспомню, зачем я ее завела. Главное, что она есть. Вы укладываетесь в шкаф с максимальными удобствами и ждете. В семь турфирма прекращает работу, они у нас самые поздние птахи, охрана проверяет этаж, заперты ли кабинеты и все такое. После этого они вряд ли еще раз поднимутся наверх, ужасные лентяи, скажу я вам. Если в турфирме засидятся более обыкновенного, вы об этом узнаете: свет в коридоре выключают, только когда все уходят. Надо выждать еще час на всякий случай и приступать. Главное, не усните в шкафу. Проспите до утра, и плакали наши денежки.

– Сомневаюсь, что я смогу уснуть, – зябко поежилась Ленка и с беспокойством посмотрела на меня.

– Когда придет время, вы тихо покидаете мой кабинет и идете вот сюда. – Наташка вновь ткнула пальцем в план. Кабинет ее начальника, которого она вознамерилась обворовать, был совсем рядом. – Ключ прилагается, – добавила мстительница. – Да, не забудьте переодеться, времени у вас на это достаточно, пока в шкафу сидите. Спортивный костюм, шапка-шлем.

– Чего? – вновь забеспокоилась Ленка.

– Такая штука с прорезями для глаз. Ты что, в кино никогда не видела?

– Она не смотрит боевики, только про Анну Каренину, – съязвила я скорее по привычке, потому что чувствовала себя неважно.

– Техническая сторона дела на мне. – Наташка кивнула, желая нас успокоить, но лично я перепугалась еще больше, а о Ленке и говорить нечего – она слегка позеленела и даже что-то пробормотала на предмет того, что даже дорогой отечественный продукт зачастую оказывается паленым. – Значит, вы переодеваетесь и двигаете к нему в кабинет, – продолжила подружка. – Видеокамер в коридоре и у меня точно нет, а у него как знать. Ведь такой прохиндей вполне мог и установить.

– Как же мы с камерами? – жалобно пискнула Ленка.

– Главное, замаскировать бюст, – ошастливила Наташка. – Чем мужик отличается от бабы, в спортивном костюме по крайней мере? Только этой хренью.

– Какой? – растерялась Ленка.

– Бюстом, – пояснила Наташка. Сегодня ее терпению можно было только позавидовать. – Придется сделать накладочки из поролон на бюст и плечи, грудь чтоб стала плоской, а плечи чтоб соответственно сделать пошире, тогда таз зрительно уменьшится. Жаль, с ростом ничего не поделаешь, не на ходулях же вас отправлять, но мы и так камерам мозги задурим. Главное, перчатки не забудьте, а то начнете блистать маникюром... И ни звука, по голосу бабу распознают в три счета. Дальше так: переоделись, вошли, дверь заперли... Сейф у Димки в стене напротив, скрыт картиной, центральная часть триптиха «Сад наслаждений» Иеронима Босха, XVI век.

– Правда? – выпучила глаза Ленка.

– Копия. Причем никудышная. Вовка Свистунов делал. Вообще-то он художник неплохой, но тут ваял, должно быть, с перепоя. Может, руки сильно дрожали, а может, ему оригинал не нравился. А что? Мне он, кстати, тоже не нравится.

– Босх – великий голландский живописец, – запричитала Ленка.

– Кто спорит? – удивилась Наташка. – Хотя с этими художниками наверняка ничего не скажешь. Вот нарисую свинью в пижаме, а через пятьсот лет решат, что я великая.

– Не решат, – замотала головой Ленка.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Наташка, а я попросила:

– Давайте отвлечемся от свиньи.

– Хорошо, – легко согласилась Наташка. – От свиньи отвлечемся.

– От какой свиньи? – окончательно обалдела Ленка.

– От той, которую Наташка предположительно могла бы нарисовать, чтобы через пятьсот лет прославиться, – пояснила я. – Свинья должна быть в пижаме.

– Почему?

– Потому что просто свинья никому не интересна.

– Глупость какая, – обиделась Ленка.

– Мой план глупость? – ахнула Наташка. – Да он просто гениальный! Кстати, о плане. Вы входите, снимаете картину и открываете сейф. Ключ прилагается, шифр надлежит запомнить.

– А если денег там не будет? – усомнилась я.

– Будут. Деньги принесут ближе к вечеру. В банк по средам Димка не ездит, там короткая смена – до 14.30, а деньги, как я уже сказала, привезут позднее. Он не раз деньги оставлял и в среду оставит. Ваше дело их забрать. Да, сумку не забудьте, сто сорок штук не кот чихнул, по карманам не рассуешь. Заперли сейф, картину на место и вернулись в мой кабинет. В четверг Дима с девяти до одиннадцати у Снегирева, это подрядчик наш, у них большие разногласия, так что очень может быть, что задержится Димка у него до двенадцати, а то и до часа, если на объект поедет. За расчетное время примем одиннадцать часов. В половине одиннадцатого вам надлежит покинуть кабинет.

– Зачем? – вытаращила Ленка глаза. – Если деньги у нас, надо сразу сматываться.

– Вот что значит человек темный, – покачала головой Наташка. – Детективы читать надо. А охрана внизу? Ты как ночью выйдешь?

– Можно попробовать в окно, – скорее из упрямства предложила Ленка.

– Можно, – кивнула Наташка. – Второй этаж плюс сигнализация. Засыпаться – раз плюнуть. Поэтому лучше в шкафу полежать. В половине одиннадцатого идете в турфирму, разумеется, снова переодевшись, кое-что уточните насчет путевочки и сваливайте. В это время у нас самая суeta, охрана на вас внимания не обратит, то есть не озадачится, когда вы внутрь успели пройти, народ мелькает туда-сюда, всех не запомнишь. Вы спокойно покидаете здание, едете ко мне на дачу и сжигаете вещи в овраге. Бензином полить не забудьте, чтоб хорошо прогорело, банку с бензином я во дворе оставляю. Деньги надежно спрячете и звоните мне. Ну, как?

– Гениально, – кивнула я под потерянным взглядом Ленки. – Но есть два «но», на которых легко завалиться, – вздохнула я. Наташка придвинулась ближе, вся обратившись в слух, Ленка перевела дух, обретя надежду. – Первое. Ключи от сейфа и кабинета. Менты поинтересуются, у кого они могут быть, раз сейф не взломан. Подозрение, естественно, падет на тебя, они проверят все мастерские, если не поленятся, и найдут типа, который изготовил тебе дубликаты.

– Для этого им придется махнуть в Питер, дубликаты я сделала там год назад. Мы прошлым летом с Димой в Питер ездили, и он там запил, в загул пустился. А я с утра, пока он в нирване пребывал, обратилась к специалисту. Хрен он меня вспомнит, я тогда рыжая была и с короткой стрижкой. И что, скажи на милость, нашим ментам делать в Питере?

– Они просто обязаны тебя заподозрить, – упрямылась я.

– Да на здоровье! – отмахнулась Наташка. – Ключи утопите в речке на моей даче. Денег у меня не найдут, но, конечно, могут решить, что я кого-то наняла... Флаг им в руки, пусть ищут. Я готова потерпеть, лишь бы справедливость восторжествовала. Я этой свинье припомню и продавщицу его, и свои бабки...

– А если он к ментам не пойдет, а наймет, к примеру, бандитов? – не унималась я.

– Не говори мне о бандитах, – отмахнулась Наташка. – Я к ним сама было сунулась, чтоб бабки вернуть, есть у меня один бандит на примете, неплохой вроде парень. Я ему про свою боль и утрату, а он мне: «Нам бы хоть документ какой, что он тебе деньги должен, не можем мы ни с того ни с сего на человека наехать». Вот тебе и бандиты. Бюрократы. Горе одно.

– Хорошо, если так, – вздохнула я. Лично у меня знакомых бандитов не было, приходилось полагаться на заверения Наташки.

– Валяй дальше, на чем еще засыпаться можно, – поторопила она.

– Мы придем в турфирму поздно, а назад не выйдем, охрану внизу может заинтересовать, куда мы делись.

– Не зря книжки читаешь, – удовлетворенно кивнула Наташка. – И тут я должна сообщить, что нам невероятно повезло. В среду у Савельева юбилей, отмечают в офисе, который, как известно, на первом этаже, вход к ним рядом с лестницей. Охрана знать не будет, куда вы чешете, на второй этаж или на первый.

– Так это они разгуляются и всю ночь гудеть будут, – забеспокоилась Ленка.

– Ну, и на здоровье. На втором этаже им делать нечего. Охрана внизу будет алкашей выпроваживать, а вы спокойненько заберете денежки.

– Может, все-таки не надо? – робко спросила Ленка.

– Сестра называется, – обиделась Наташка. – Я бы сама пошла и гада этого ограбила, но алиби накроется, и тогда мне от ментов не отделаться. А на вас ни одна душа не подумает.

– Вдруг все-таки подумают? – пробормотала Ленка.

– Не смейся. Вы себя в зеркале видели? Белоснежка и гном-перекормыш. – Мы обиженно переглянулись, но решили ее слова не принимать близко к сердцу. – Главное, четко следовать моему плану и не оставлять следов.

– А куда мы деньги спрячем? – забеспокоилась Ленка, хотя не о том ей следовало печалиться.

– Это же улика, – поддакнула я.

– Давайте думать вместе, – милостиво предложила Наташка и выжидающе уставилась на меня, Ленка последовала ее примеру, ехидно добавив:

– Ты у нас спец по детективам.

– Самый простой способ – зарыть в саду. В моем любимом детективе две подружки так и сделали. Положили в ямку, а чтоб в глаза не бросалось свежевскопанное место, посадили яблоню.

– Кто яблони летом сажает? – хмыкнула Ленка.

– Можно посадить цветок. Поливать его почаще, и выживет, несмотря на жару.

– Это ж тогда надо на даче сидеть.

– И посидим. Там речка, будем загорать, купаться.

– Угробить все лето на сельскую жизнь? – скривилась Ленка.

– А здесь жизнь чем веселее? Зато батя твой будет доволен: ты на природе и с классиком под мышкой.

– Ладно, – проявила подружка необыкновенную покладистость. – Будем ухаживать за цветком.

– Через две недели я вернусь, – продолжила Наташка. – Но деньги сразу тратить нельзя. Придется годик подождать, пока все утихнет. А там... Махну на Канары на целый месяц. Нет, лучше на Бали. Хотите, вместе поедем?

– Конечно, хотим! – дружно закивали мы.

– А можно в Бразилию, на карнавал, – внесла я свою лепту в коллективную мечту.

– Или в Кению. Бегемоты там всякие, саванна... Сошлют нас на север, если поймают, – совершенно неожиданно закончила Ленка, все испортив.

– Если поймают, то сошлют, – поддакнула Наташка. – Только мы что, дуры какие, чтоб дать себя поймать?

– Тебе хорошо говорить, – все-таки не выдержала Ленка. – Ты будешь в Геленджике загорать.

– Да если хочешь знать, я бы сама пять раз на дело сходила, чем сидеть и зубами клцать, ожидая известий в тревоге и сомнениях. Вся надежда на тебя, Катя, – повернулась она ко мне. – Ты девка головастая, не один десяток детективов прочитала, не дай супостатам нас заловить.

После такого напутствия мне оставалось лишь заверить, что все сделаем в лучшем виде.

Не подумайте, что я совсем идиотка, раз согласилась на такое. Разумеется, здравые мысли в моей голове блуждали, и страшновато было, но, с другой стороны, мы ведь не чужое собирались брать, а деньги, принадлежавшие Наташке по уговору, и это вовсе не воровство и не грабеж, а восстановление справедливости. В Наташкином плане изъянов я не обнаружила, и тогда мне казалось: повернуть все это будет легче легкого. А уж если быть до конца честной, то не очень-то я в тот момент верила, что мы действительно пойдем грабить Диму, так что тюремное заключение виделось весьма сомнительным, а о приключении, таком долгожданном, мечтать не вредно.

Уже под утро – Наташка вовсю клевала носом – в нас пробудилась совесть: ей ведь на работу. Простившись с подругой, мы устроились на детской площадке в Ленкином дворе, я на качелях, она в песочнице по соседству, и некоторое время молчали.

– А если нас в тюрьму посадят? – спросила Ленка.

Именно в тот же момент и та же мысль пришла в голову мне. Виной тому, я думаю, предутренний сумрак, из-за него все вокруг выглядело уныло и настроение наше веселым никак нельзя было назвать, вот и лезла в голову всякая гадость.

– С какой стати? – буркнула я.

– А с такой, что поймают.

Если бы Ленка, к примеру, заявила, что Наташкин план гениальный, я бы тут же нашла в нем массу изъянов, а теперь из духа противоречия возразила:

– Не поймают. План гениальный.

– Мы ведь в самом-то деле туда не пойдем? – робко спросила Ленка.

И кто ее за язык тянул? Не могла же я ответить на ее вопрос «конечно, не пойдем», и я ответила:

– Не хочешь, не ходи.

– А ты?

– А я буду точно следовать намеченному плану. Только потом не говори, что у нас от тебя секреты.

– Когда это я говорила?

– Когда к Григорьевым на дачу ездили.

– Правильно говорила, усвистали на весь день, да еще с парнями, а я, как дура, одна сидела. А все прекрасно знают, что весной, когда природа пробуждается, юные девушки, мечтательные натуры, жаждут любви и все такое...

– Ага, – кивнула я. – Это называется брачный период, все живое тянет размножаться.

– Что за пошлость! – фыркнула Ленка.

– Так тебе зачем парни нужны? – удивилась я.

– Для высоких чувств.

– Для высоких чувств у тебя плакат с Брэдом Питтом. Люби его на здоровье и думать забудь о даче.

– Это же совсем другое.

– Правильно, другое. С плакатом не потрахешься. К тому же твой Питт уже старый.

– Ты просто не любишь блондинов.

– Он отцу моему ровесник.

– А кто всегда мечтал о взрослых мужчинах? – съязвила Ленка и попала в самую точку: это моя мечта, а не ее, пришлось кивнуть, соглашаясь.

– Ладно, Брэд Питт парень что надо, просто я не люблю блондинов. Хотя взрослый – это двадцать семь, ну, тридцать, а вовсе не сорок пять.

– У меня предчувствие, – вздохнула Ленка. – Если мы туда пойдем, непременно зава-
лимся. И сядем в тюрьму. Папаша мой с катушек съедет. Он меня и в тюрьме задолбает нра-
воучениями. Предупреждаю сразу: я этого не вынесу.

– А если не пойдем, то в нашей жизни опять ничего не случится. Вот ты дневник ведешь,
и что там пишешь?

– Ну... о своих чувствах...

– О каких чувствах?

– Ладно. Давай ограбим Диму, – вздохнула она. – Он мне никогда не нравился.

– Еще бы, он тебя Колобком прозвал.

– Могла бы не напоминать, – разозлилась Ленка.

– Это я с целью укрепить в тебе стремление напакостить гаду.

– Но если нас поймают... – Ленка не договорила, махнула рукой и побрела к своей лод-
жии. Я пошла за ней, потому что без моей помощи ей на нее ни в жизнь не взобраться.

Следующий день был самым содержательным в моей жизни. После обеда Наташка
пришла с работы (отпуск она уже оформила), и мы стали готовиться к ограблению. Кажется,
предусмотрели все. Несколько раз повторили, что и в какой последовательности делаем, при-
пасли костюмы с поролоновыми накладками, дважды их померили, нашли подходящие рюк-
зачки, чтоб и вместительными были, и внимания не привлекали, и наконец сели пить чай с
намерением отдохнуть от праведных трудов.

– А если он сменил код сейфа? – все-таки заныла Ленка.

– Не сменил. Я бы об этом знала, – возразила Наташка, но без особой уверенности.

– Так он тебе и скажет... Вы же поссорились, ты свои деньги требуешь, он просто обязан
тебя подозревать.

– Не вноси в ряды панику, – сурово пресекла Наташка ее разглагольствования. – Если
нам не повезет... значит, не повезет. Всех дел тогда у вас будет, что в шкафу посидеть. Я вас
в «Три слона» свожу.

– Правда? – обрадовалась Ленка.

«Три слона» – шикарный ресторан. Говорят, там один салатик рублей пятьсот, так что
стоимость ужина значительно превышает мою стипендию. Богатых знакомых у меня не води-
лось, и об этом ресторане оставалось только мечтать.

– Конечно, правда. Что мне для вас, денег жалко?

Сказать по правде, Наташка жадной никогда не была. И в кафе нас часто водила за свой
счет, и тряпки поносить давала, и вообще она хороший человек. И тут дело даже не в ресторане,
а в том, что какой-то гад ее обманул и по справедливости должен быть наказан.

Вдруг мне в голову пришло вот что: обувь. Допустим, с поролоном бюст не видно, но
у Ленки тридцать шестой размер ноги, а у меня вообще тридцать пятый. И кого мы своим
поролоном обманем?

– Ты чего замерла? – испугалась Наташка, обратив внимание на остекленение моего
взгляда. Я кратко изложила свои сомнения. – Ох, да кто кому на ноги смотрит? – всплеснула
Наташка руками. – Охрана на рожи смотрит, а ноги им вообще по барабану.

– Но если там видекамера, то смотреть после ограбления будут пристально, и от их
внимания ничего не укроется.

– Мы даже не уверены, что камера там есть.

– А отпечатки? Найдут отпечатки тридцать шестого размера, и мы уже не отвертимся.

– Значит, на дело пойдете в носках, – отрезала Наташка. – Это все равно что перчатки,
только на ногах, значит, никаких отпечатков.

– Согласна, – кивнула я, радуясь, что все так просто разрешилось.

– Но как же мы в носках-то? – заволновалась Ленка. – Нас за чокнутых примут.

– Мы снимем обувь в Наташкином кабинете, – утешила я. – Главное, чтоб собак не вызвали. Надеюсь, прежде чем денег хватятся, там все основательно затопчут.

– Каких собак? – побелела Ленка. – В детективах про собак ничего не было.

– Откуда тебе знать, ты же детективы не читаешь?

– Я расширяю свой кругозор. Кое-что уже освоила. Отпечатки были и пули какого-то там калибра, а про собак...

– При чем тут пули? – нахмурилась Наташка. – Мы же никого убивать не собираемся. Да у нас и оружия-то нет!

– А у охраны есть? – озарило Ленку.

– Ну... должно быть. Иначе что ж это за охрана? Хотя не знаю. Узнать?

– Не надо, – запротестовала я. – Лишние вопросы – лишние подозрения. Есть у них оружие или нет – роли не играет. Если мы на них нарвемся, нам по-любому не уйти.

– Почему же? – вдруг возразила Ленка. – Мы, к примеру, могли бы убежать.

– Уж как ты бегаешь, так лучше бы ползала, – съязвила я.

– Ну, не все такие выдающиеся спортсмены, как ты, – съязвила в ответ Ленка.

– Хорош ругаться-то! – осадила нас Наташка. – На такое дело идем, а вы тут с мелкими склоками... Даже стыдно за вас.

Нам тоже стало стыдно, и мы замолчали.

Во вторник мы проводили Наташку и, признаться, заскучили. Теперь оставалось только ждать, а это, как известно, самое неприятное занятие.

– Надо фазера подготовить, что я дома не ночую, – напомнила Ленка, и мы отправились к ней домой.

Отец ее радостно меня приветствовал, а я тут же попросила:

– Дядя Юра, можно Лена у меня поживет?

– А что случилось? – насторожился он.

Тут надо пояснить, что Ленкина мамуля сбежала от супруга лет пятнадцать назад с офицером-подводником. Следы ее затерялись, а Ленка намекала, что пропажа особого урона семье не нанесла. Ленкину мамулю я помнила смутно, но соседи утверждают, что ее ближайшим родственником был сам черт. С отцом Ленке повезло, если не считать двух исключений: после бегства супруги он ко всем особям женского пола относился с недоверием, подозревал в Ленке дурную наследственность и оттого был при ней вроде цепного пса – везде ему чудились совратители и соблазнители. Его бы слова да богу в уши... В общем, Ленка находилась под его неусыпным надзором, что создавало мелкие неудобства нам и большие ей. Вторым исключением являлись запои, которые тоже имели место быть на почве недоверия и неприязни женского пола. Заведи он подружку, и глядишь, глупые мысли его бы оставили, но при слове «женщина» дядя Юра каменел лицом и не реже четырех раз в год запивал. Но делал это исключительно интеллигентно – запирался в своей комнате и выходил оттуда только на работу. Работал он начальником котельной. Заглянув к нему как-то во время запоя (Ленке хотелось убедиться, что с родителем все в порядке), мы застали его в кабинете, он сидел столбиком и таращился куда-то в угол. Подчиненные привычки своего начальника хорошо знали и в такие дни его не беспокоили. Женщины ему от души сочувствовали, потому как жена негодяйка и он один дочь ставит на ноги, а что запивает иногда, так ведь это по поводу, да и ведет себя тихо. Уверена, многие из них с удовольствием помогли бы ему в нелегком деле выращивания Ленки (к двадцати годам она с трудом преодолела барьер в 158 сантиметров), но, как я уже говорила, от женщин дядя Юра бегал как черт от ладана. Ответ на его вопрос я подготовила заранее и принялась излагать:

– У меня родители на гастролях, а я одна ночевать боюсь.

– Так ночуй у нас, – с радостью предложил он.

– Мне родители должны звонить в девять вечера, у нас уже одиннадцать будет. После девяти тариф другой, потому и звонят поздно.

Мое объяснение вкупе с честным курносым лицом и взглядом голубых глаз, которые никогда не лгут, произвели самое благоприятное впечатление.

– Хорошо, – кивнул он и добавил: – Я вам позвоню.

– Вот уж счастье привалило, – ворчала Ленка. – Что будем делать?

– Не знаю. Лишь бы с проверкой не притащился, а там что-нибудь придумаем.

– Может, еще повезет, – вздохнула Ленка. – Авось запьет как раз сегодня. И по срокам уже пора, и с утра родину ругал, мол, никакой государственной программы по подготовке к отопительному сезону.

– Обнадеживающий признак, – кивнула я.

– На всякий случай надо усыпить его бдительность.

Ленка пошла включать музыку, а я вздохнула, уже догадываясь, что меня ожидает. Так и есть, Петр Ильич, концерт для фортепиано с оркестром.

Из сладкой дремы меня вывел скрип двери – дядя Юра робко заглянул в комнату, я только-только успела сделать счастливое лицо.

– Может, дыньки покушаете? Или чаю? – шепотом спросил он.

– Спасибо, папа, не хочется, – ответила Ленка.

– Все, все, не мешаю, – залопотал он и закрыл дверь.

– Золотой у тебя папуля, – восхитилась я. – Моего на такую фигню не купишь.

В половине девятого мы отправились ко мне, держа под мышкой «Божественную комедию». Дядя Юра сам книг не читал, но очень уважал читающую публику, и Данте в суперобложке вызывал у него самые теплые чувства. В половине одиннадцатого он все-таки позвонил, и Ленка недовольно ответила:

– Папа, я уже сплю.

Так что можно было быть уверенными, что завтра он звонить не рискнет.

Ночь перед ограблением прошла без сна. Мы с Ленкой лежали рядом и по большей части молчали. Воображение рисовало самые немыслимые картины: то пачки долларов ровными рядами по всему столу, то мрачный подвал (именно так представлялась мне тюрьма).

– Ой, какие же мы дуры... – запричитала Ленка.

– Уймись! – шикнула я. – Мы же еще ничего не сделали.

Следующий день, роковая среда, был самым долгим днем в моей жизни. Из рук все валилось, взгляд без конца возвращался к стрелкам часов, а те замерли, как приклеенные. Ленка бестолково сновала рядом и более обыкновенного действовала на нервы.

– Катька, – позвала она, – чувствует мое сердце...

Но я тут же пресекла чужие откровения:

– И мое чувствует.

– Да? И что?

– В каком смысле?

– Что оно такого чувствует?

– Деньги. Несметное количество.

– Да? – Ленка вроде бы не поверила. – И мне сегодня деньги снились, – задумчиво добавила она. – Крупными купюрами. К чему такое?

– Деньги к деньгам, – пожала я плечами.

– А соседка говорила, что к деньгам крысы снятся.

– Вот уж глупость. Крысы ни к чему хорошему сниться не могут. И не тревожь меня.

– Неужели мы туда пойдем? – все-таки заныла подружка.

Я надела наушники, решив, что сетования Земфиры мне больше по душе, чем Ленкины. Ленка в отместку стала слушать Верди. Миланские звезды все-таки переорали нашу Земфиру, разумеется, потому что голосили дуэтом. Наушники пришлось снять, и я сказала:

- Не хочешь – не пойдем. Позвоним Наташке и скажем, что ты дрейфишь.
- А ты нет? – ехидно осведомилась Ленка.
- Я тоже боюсь, но все-таки держу себя в руках.
- Потому что ты ненормальная.
- Ну и ладно, – отмахнулась я.

На душе было беспокойно, и дело не только в страхе, моем и Ленкином. Я-то прекрасно понимала, что выбора у меня нет. То есть он, конечно, есть, но итог в любом случае неутешительный. Если я откажусь, то потом наверняка буду жалеть об этом. Вот оно приключение, и что? Я бегу от него в большой панике, следовательно, жизнь моя пойдет по накатанной колее сплошными серыми буднями, а соглашусь... как бы мне сегодняшняя серость розовой мечтой не показалась.

- Как думаешь, нам повезет? – вздохнула Ленка.

– Только бы деньги лежали в сейфе, – туманно ответила я. – Не то выйдет, что наши муки впустую.

– По сорок шесть тысяч баксов с хвостиком – это ж какие деньги? – шмыгнула Ленка носом. Теперь ее понесло из одной крайности в другую, и она принялась мечтать, что купит на эти деньги. Перебрав все от сумки до машины, она, должно быть, вспомнила про папулю и вдруг заявила: – Лучше я квартиру куплю. Буду жить одна. А что? Все люди как люди...

– На квартиру денег не хватит, – лениво заметила я. Чужие мечты почему-то не вдохновляли. Если честно, я знать не знала, что буду делать с такой прорвой денег. Для меня деньги не главное. Главное – приключение. Оно наверняка изменит всю мою жизнь... «К лучшему», – поспешно добавила я и трижды сплюнула, чтоб не сглазить.

- Что, вообще ни на какую не хватит? – помрачнела Ленка.

– Ну, на хрущевку хватит, конечно. Или где-нибудь в Ясине.

– Кто ж в этот район добровольно поедет? – Ленка почесала нос. – Надо же, а я еще на мебель отложить надеялась. Вот если вздуматься, не такие уж и большие деньги, а мы, можно сказать, жизнью рискуем.

Мечта лишилась всякой прелести, и Ленка затосковала. Ближе к вечеру и я нервничать начала, и даже подумала: «А не позвонить ли в самом деле Наташке? Не можем мы взять да и ограбить кого-то, даже такого мерзавца, как ее Дима». Конечно, он заслуживает того, чтобы его хорошенько проучили, но... Тут Наташка сама позвонила.

- Как боевой дух? – осведомилась она деловито.

– Нормально, – вздохнула я.

– Не слышу энтузиазма в голосе. Мне сейчас этот гад звонил. Соскучился, говорит. Ты, говорит, не вздумай с кем любовь крутить на курорте, грозился прилететь на выходные. А как я про бабки сказала, сразу стал юлить. Дрянь человек, как любил выражаться классик. Так я на него разозлилась, что, веришь ли, своими руками бы придушила.

– Хорошо, хоть не нашими, – мрачно порадовалась Ленка. Вряд ли Наташка ее слышала, но тут же заявила:

- Что Ленка? Хандрит? На дело идти боится и тебя с панталыку сбивает.

– Ничего я не боюсь! – заголосила Ленка. – Ограблю твоего Димку в лучшем виде! Надоело мне все это, такие нервы... И как только люди в бандиты идут, здоровья своего не жалеют? Да тут молоко надо давать за вредность и пенсию на десять лет раньше.

– У них вся жизнь сплошная пенсия, – ответила я, поспешно простившись с Наташкой.

– Ты на тюрьму намекаешь? – забеспокоилась Ленка.

– Завязала бы ты меня пугать, в самом-то деле, – начала злиться я.

Ленка это чутко уловила и примолкла.

В половине шестого мы стали собираться – без слов и вроде бы даже не глядя друг на друга. Я ждала, когда Ленка в очередной раз занеет, чтобы с великой неохотой согласиться с ее доводами и никуда не идти. Только Наташке пусть сама звонит. Но Ленка точно воды в рот набрала, а вид имела сосредоточенный и даже с намеком на самоотверженность. Такое ее поведение сильно беспокоило, но начинать ныть самой не хотелось. Она всю оставшуюся жизнь будет есть меня поедом, а у меня и без нее имеются для этого специально обученные люди. Я имею в виду родителей. Рюкзачки со спортивными костюмами и шапками были собраны, мы переглянулись, втайне ожидая нытья друг от друга, и не дождались. Тут я сообразила: что-то в моей жизни не так и с этим надо что-то делать... Но так и не сделала, зато Ленка плюхнулась на диван и сказала:

– Присядем на дорожку.

Я опустила рядом, с томлением поглядывая на нее. Она поднялась, перекрестилась на репродукцию Константина Васильева, что висела напротив, и сказала:

– Господи, благослови.

– Да, – брякнула я, – благослови благополучно Диму ограбить.

Ленка поморщилась.

– Вечно ты все испортишь, ничегошеньки по-человечески сказать не умеешь. Ну кто ж такое у господ просит?

– А ты чего просила? – забеспокоилась я.

– Чтобы все обошлось наилучшим образом, – замысловато ответила Ленка. – А уж господь сам знает... Пошли лучше, голова пухнет от твоих глупостей.

Мы дружно вздохнули и направились к входной двери. У меня еще была надежда, но Ленка убила ее в зародыше. Она мрачно молчала всю дорогу, пока мы ехали в троллейбусе и пока шли к Наташкиному офису. На всякий случай я притормозила, но Ленка лишь буркнула:

– Не отставай.

И мне пришлось спешно ее догонять.

Стеклянные двери разошлись в стороны, и мы вступили в просторный холл. Я быстро осмотрелась. Видеокамер нигде не видно, парень из охраны взглянул на нас и тут же отвернулся. Наташка считала, что привлекать к себе внимание мы не должны, оттого оделись мы скромно до безобразия. Старые мешковатые футболки и джинсы, которые уже в прошлом сезоне вышли из моды, на головах парики, на мне рыжий, на Ленке черный, большие темные очки делали ее похожей на черепаху. Должно быть, и я выглядела не лучше, потому что парень не улыбнулся мне, чего я по обыкновению ожидала, а невежливо отвернулся.

Мы протопали к лифту. В холле было шумно, гости потихоньку подтягивались на юбилей и бродили небольшими стаями, немного нервируя охрану. В лифте мы поднимались с толстой теткой лет пятидесяти, она и ее бюст с трудом уместились в просторной кабине лифта. На втором этаже она вышла вместе с нами и первой шагнула к двери турфирмы. Вместо трех девушек за тремя разными столами оказалась одна, которая явно пыталась объять необъятное, то есть работать за трех коллег одновременно. Получалось так себе, наверное, поэтому посетителям она не обрадовалась.

– Три путевки на Кубу, – басом заявила дама.

Нам стало ясно, что предстоят испытания. Девушка поглядывала на часы, а дама никуда не торопилась. Мы ерзали на стульях и попеременно вздыхали. Наконец дама удалилась, сообщив, что она на днях еще зайдет, а девушка в отчаянии воззрилась на часы.

– Мы вообще-то до семи работаем.

– Тогда мы завтра с утра придем, – обрадовала я.

Девушка широко улыбнулась.

– Если хотите, я завтра с утра пораньше приду, просто у меня сегодня...

– Нет-нет, – влезла Ленка. – Мы раньше десяти не можем.

– Хорошо. Тогда в десять.

– В половине одиннадцатого, – поправила я, мы тепло простились и заспешили в коридор.

Он был пуст. Свет не горел, да это и без надобности, света из двух окон в концах коридора было достаточно. Мы свернули, я нащупала в кармане ключ от Наташкиного кабинета, огляделась и вставила его в замок. Дверь с легким щелчком открылась, и мы вошли в кабинет.

Здесь царил образцовый порядок. Жалюзи опущены, на столе только компьютер и ни единой бумажки, кресло плотно задвинуто, телефон отключен. Я заперла дверь, Ленка на цыпочках прошла по кабинету, хотела выглянуть в окно, но вдруг от него шарахнулась. Первый этап прошел невероятно просто, хотя, конечно, это ничего не значит. Мы же только в Наташкином кабинете, а нам еще Диму грабить. Но уже то, что мы здесь оказались, прямо-таки потрясло.

– Ну что, в шкаф полезем? – спросила шепотом Ленка.

Шкаф-купе занимал треть Наташкиного кабинета и выглядел в высшей степени солидно. Я потянула дверь, мы заглянули внутрь. Раскладушка, плед и две подушки, а также дамский журнал. Наташка молодец, все предусмотрела.

– А в туалет? – вдруг заморгала Ленка.

– Нашла время.

– Организму не прикажешь. К тому же у меня на нервной почве...

– Хорошо, иди в туалет, он здесь рядом.

– А если...

– Тогда терпи.

Ленка немного постояла, прислушиваясь к своему организму, и решила потерпеть. Тут у нее зазвонил мобильный, я едва не рухнула с инфарктом, а Ленка заныла:

– Фазер. Не ответишь, в гроб вгонит звонками.

– Какого черта ты телефон не выключила? – зашипела я. Телефон между тем выводил лихой мотивчик, и казалось, все обитатели здания сейчас сбегутся на него.

– Выключишь, так фазер ВВС в воздух поднимет, МЧС и пожарных на голову поставит.

– Тогда ответь, – заголосила я, теряя терпение, а Ленка зашептала:

– Да, папа. Мы в кино... ага... не беспокойся.

Телефон она после этого отключила, но нервы были взбаламучены, и я остервенело полезла в шкаф.

Ленка внедрилась следом, задвинула дверь. Далее возникли прения по поводу раскладушки, я уступила подруге лежачее место, зато завладела журналом, и мы принялись ждать.

В шкафу было душно, и мы немного приоткрыли дверь. Журнал особо интересным не показался, да и света маловато. Я чутко прислушивалась: снизу доносились голоса, музыка, чей-то смех, на втором этаже было тихо. Мы ждали охрану с обходом, но они либо не спешили, либо сегодня решили вовсе не утруждать себя, шагов мы так и не услышали, и это сильно беспокоило Ленку, а она сама без конца беспокоила меня.

– Где же они? Вдруг что-то заподозрили?

– Тогда бы, наоборот, проверять стали. А они внизу сидят.

– Ага. Сидят, сидят, а потом с обходом пойдут, когда мы отправимся Диму грабить. И что?

– Помолчи, Христа ради, – попросила я. – С тобой никаких нервов не хватит.

Ленка обиженно отвернулась, что позволило мне на некоторое время углубиться в собственные мысли.

И тут раздались шаги. Кто-то шел по коридору, насвистывая. Вдруг шаги стихли, и некто подергал дверь в нашу комнату. Мы замерли, Ленка начала мелко дрожать, а я сама покрылась испариной. Свистун зашагал дальше, а мы смогли отдышаться.

– Ушел? – прошептала Ленка. – Знаешь, мне в туалет еще больше хочется.

– Терпи.

– А я что делаю? Хоть это и вредно. Наношу непоправимый ущерб своему здоровью. Хочешь, расскажу тебе про Троянскую войну?

Я от неожиданности икнула.

– Зачем?

– Чтобы отвлечься. Там Брэд Питт в главной роли.

– Так мы с тобой этот фильм вместе смотрели, – нахмурилась я.

– Он так сексуально выглядит, – плотоядно облизнулась Ленка.

– Ага. Стоит мужику в сорок лет вырядиться в короткую юбку, и он уже секс-символ.

– Что ты к нему привязалась? В конце концов, возраст мужчину только украшает.

– То же самое мой папа говорит. И твои американцы опять все переврали. Они с древнегреческим эпосом знакомы по синопсису.

– А ты его, конечно, в подлиннике читала? – съязвила Ленка.

– В переводе. Не одна ты у нас умная.

Ленка собиралась усомниться в моих способностях освоить «Илиаду», хоть и в переводе, но вовремя вспомнила, что моя бабушка преподает в университете античную литературу, и обиженно надулась.

– Ничего ты не читала, бабка небось рассказала.

– Это мое любимое произведение. Хочешь – наизусть прочту? «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» – заунывно начала я, Ленка примолкла и от мыслей о туалете явно отвлеклась. Дальше пятой строчки дело у меня не пошло, но впечатление я произвела неизгладимое.

– Это ты нарочно выучила, – не желая смириться с поражением, заявила Ленка. – Чтобы выпендриться.

– По этой части ты у нас мастерица, – не осталась я в долгу.

Мы еще немного поскандалили, и время пролетело незаметно. Крики внизу стихли, голоса теперь звучали на улице возле офиса. Затем шум двигателей, хлопанье дверей...

– Народ разъезжается, – прислушиваясь, заметила Ленка.

– Рановато, – ответила я, взглянув на часы.

– Так завтра же рабочий день, с понятием люди. А вообще, странная идея отмечать юбилей в офисе, – подумав, изрекла она.

– Дома он с родственниками отметит, а здесь с коллегами.

– Шли бы в ресторан.

– Тебя забыли спросить.

– В тебе сегодня повышенное содержание вредности, – вздохнула Ленка.

Мне стало стыдно.

– Это на нервной почве, – повинулась я. – И как только люди в засаде сидят сутками?

– Привычка, – пожала Ленка плечами.

В шкафу наступила тишина. Где-то через час из коридора вновь послышались шаги – должно быть, охранник проверял, не остался ли кто в офисе. Ленка к тому моменту задремала, и я ей позавидовала. На меня напала меланхолия. Разные мысли лезли в голову, в основном о смысле жизни. Приключение оборачивалось томительным ожиданием, и в этом я склонна была винить свое обычное невезение. Выпадет раз в жизни что-то захватывающее, но и тут получается не как у людей.

В конце концов и я, заскучав от этих мыслей, тоже задремала, а проснулась точно от толчка. В шкафу было темно и в комнате тоже. В первый момент я решила, что нахожусь у себя дома, и не могла взять в толк, с какой такой стати улеглась на полу, но тут Ленка что-то забормотала во сне, и я разом все вспомнила и испуганно посмотрела на часы. Половина третьего. Мама дорогая, чуть не проспала.

– Вставай, – принялась тормошить я Ленку.

Она забормотала громче, потом вскочила, треснулась головой о полку и начала соображать.

– Ой, господи, темень какая. Что, на дело пора?

– Пора, – кивнула я, стараясь сохранить присутствие духа.

Мы покинули шкаф с максимальными предосторожностями, отперли дверь и выглянули в коридор. Он тонул в полумраке, лишь свет уличного фонаря слабо струился через окно в конце коридора да светились таблички с указателями «выход». Тишина стояла могильная, и на меня такая жуть напала, хоть караул кричи. Я была уверена, что никакие силы не заставят меня покинуть комнату, но тут заняла Ленка:

– Ой, мы же переодеться забыли.

Я быстро прикрыла дверь, и мы полезли в шкаф переодеваться. Суетились, оттого ноги упорно не желали попадать в штанины, а руки в рукава. В конце концов мы все-таки переоделись, сложили вещи в рюкзак и натянули на головы дурацкие шапки. Ленка теперь выглядела зловеще, меня ее вид пугал.

– Эй, ты не молчи, – попросила я.

– Я это, я, – заверила она, прекрасно понимая мое состояние. И вдруг насторожилась, трагически зашептала: – Ты слышала?

– Чего? – испугалась я.

– Хлопок. Вроде как шампанское открыли.

– Может, и открыли. Охранники тоже люди, решили выпить.

– Им спать положено. Катька, что-то мне неможется. Пожалуй, я в шкаф полезу, как-то мне тоскливо, я остро нуждаюсь в защите и утешении.

– Полезай в шкаф, – разозлилась я. – И лежи там, точно хомяк.

– А ты? – робко спросила она, перемещаясь ближе к шкафу.

– А я на дело пойду. Зря я здесь столько времени мучилась? И что мы скажем Наташке? Что ты свила гнездо в ее шкафу и не желала его покидать?

– Наташке хорошо... – заняла Ленка, поглядывая то на меня, то на шкаф. – Ее бы сюда...

– Наташка бы ныть не стала.

Я решительно шагнула к двери.

– Катька! – Ленка вцепилась в мой локоть. – Я не могу одна здесь сидеть!

– Тогда пошли со мной, – зашипела я.

Тут мы обе замерли, потому что из-за двери послышался неясный шорох.

– Кто-то ходит, – ахнула Ленка, и я едва успела зажать ей рот.

– Не выдумывай, – попыталась я воззвать к ее совести.

– Но ты ведь тоже что-то слышала?

– Ничего я не слышала. Ночью все кошки серы, а звуки подозрительны.

– Катенька, я боюсь подозрительных звуков. И неподозрительных тоже боюсь. Я даже одни от других отличить не могу. Ограбление совсем не моя стезя, сейчас я это понимаю совершенно отчетливо.

– Тогда лезь в шкаф и жди меня.

Ума не приложу, откуда у меня взялась такая отвага, но я была намерена грабить Диму в одиночку. Этому сильно способствовала мысль о Наташке, которой как-то придется объяснять, почему мы до такой степени полюбили ее шкаф, что не пожелали с ним расстаться.

– Ты не бросишь подругу в шкаф, то есть в беде, – залепетала Ленка.

– Я не могу раздвоиться, – посуровела я. – У меня есть обязательства перед Наташкой. У тебя, между прочим, тоже. – И я решительно шагнула к двери.

– Я с тобой, – чужим голосом заявила Ленка, все еще косясь на шкаф. – Нет мне счастья в этой жизни...

Я выскользнула в коридор, и Ленка за мной. Слава богу, она замолчала. Не успела я порадоваться данному обстоятельству, как она вновь открыла рот:

– Катька, мне в туалет надо. Или я умру... Ой, мамочка...

Ее так скособоило, что я сразу поняла: туалет никакая не отмазка, а, так сказать, суровая необходимость. Туалет был рядом, и Ленка устремила к нему. Я гадала, идти за ней или здесь подождать, и тут едва не рухнула в обморок от ужаса, сообразив, что мы находимся в трех шагах от провала: Ленка чесала в женский туалет, мужской был в другой стороне. Я рванула за ней, схватила ее за плечо, которое тут же съехало, потому что было накладным, а я едва не выругалась вслух, забыв о том, что нам надлежит помалкивать.

– Тебе надо в мужской туалет, – зашептала я Ленке в самое ухо.

– Зачем? – охнула она.

– А если камеры?

К тому моменту она уже толкнула дверь туалета и даже сделала шаг, но тут до нее дошел смысл моих слов, и она шарахнулась от женского туалета, точно там обреталось привидение.

В туалет вместе с Ленкой я не пошла, решив подождать ее в коридоре. Мне требовалось сосредоточиться, я пожирала взглядом дверь Димкиного кабинета и бормотала что-то несвязное. «Надо войти, открыть сейф, и все». Хоть бы какую молитву вспомнить... Совершенно все из головы вылетело. Вместо того чтобы успокоиться, я еще больше разволновалась. Теперь мне даже казалось, что дверь в Димкин кабинет прикрыта неплотно и вроде бы поскрипывает.

– Глюки, – прошептала я и зажмурилась. Стало легче, но ненадолго.

Тут я сообразила, что Ленка сидит в туалете слишком долго, и здорово разозлилась. Подождала еще немного и пошла в туалет. Уже войдя, не удержалась и вновь посмотрела на Димкину дверь. Невроз обострился, потому что теперь я видела не только приоткрытую дверь, но и две тени, бесшумно скользнувшие по коридору. Они исчезли за углом, а я вновь зажмурилась. «Вот что значит совесть нечиста», – глубокомысленно решила я, закрыла дверь туалета и повернулась к кабинкам. Их было три, и из ближайшей доносились поскуливания.

– Ты как? – спросила я и услышала в ответ:

– Где тебя черти носят? – Ленка злобно шипела, так что идею о внезапном остром недомогании пришлось отбросить.

– Ты чего там застряла? – рывкнула я, на нервной почве забыв про осторожность.

– Замок сломался, я не могу выйти, а тебя все нет и нет. Я кричать боюсь и здесь сидеть боюсь. И вообще, я сейчас умру, у меня уже пульс не прощупывается.

– Выходи немедленно, – осатанела я.

– Как, интересно? Я здесь замурована. Катька, немедленно вытащи меня отсюда, не то заору. Я уже практически не в себе.

Я ухватила за дверь и подтянулась, заглянула в кабину. Ленка подняла голову и едва не завопила.

– Ой, господи, это ты?

– Дух святой.

– Напугала-то как. Ты в этой шапке натуральный киллер, сними ее немедленно.

– Выходи оттуда, дура.

– Да не могу я, замок заело!

Я в досаде плюнула и полезла в кабинку.

– Чтоб я еще когда с тобой на дело пошла... – ворчала я, ставя ногу на унитаз.

– И не надо, мне б из этого дела выйти живой и невредимой.

– Лучше скажи, зачем ты дверь запирала, убогая?

– А как же... по привычке. Я не могу естественные потребности отправлять с открытой дверью.

Я повернула замок, и он распрекрасно открылся. Ленка виновато шмыгнула носом.

– Должно быть, я не в ту сторону крутила, – буркнула она. – Все нервы...

– Убила бы тебя, – вздохнула я, первой покидая кабинку.

– Катька, можешь убить меня прямо сейчас, но в женском туалете лежат чьи-то ноги. Я думала, думала...

– Завязывай думать, начинай двигаться.

– Катенька, только не говори, что я спятила. Они там лежат. Вот крест святой! – Ленка торопливо перекрестилась. – Я их только секундочку видела и поначалу решила – глюки, а пока здесь сидела, поняла, никакие не глюки – ноги.

– Кончай меня пугать, я и так... – Я хотела рассказать про свои видения, но вовремя остановилась, вряд ли это Ленку успокоит. – Все, идем грабить Диму, а если ты еще слово скажешь, получишь по носу.

– Катька...

– Умолкни и бледней, – прошипела я, замахнувшись.

– Куда мне бледнеть, я уж давно зеленая, точно травушка весенняя. Нет в тебе сочувствия к моим страданиям.

– Все, кончилось мое терпение, полезай в шкаф или сиди в туалете, а я уйду.

– Куда? – пролепетала Ленка. Пришлось все-таки ей легонько наподдать, и она опять заняла: – Подруга называется, еще и дерется...

Мы все-таки вышли в коридор, и ей пришлось заткнуться. Но ненадолго.

– Водичка где-то течет, – пробормотала она.

Я шикнула, но прислушалась. И точно, в женском туалете текла вода.

– Я же говорила, там кто-то есть, – закатила глаза Ленка. – Это мои ноги руки моют.

Тут скрипнула дверь, и мы вжались в стену. Мне почудилось некое дуновение ветра, но шагов я не услышала. Отсюда, из-за угла, дверь женского туалета видно, вот и гадай, есть там кто или нет. Что, если охранник проходил по этажу и в туалет заглянул? Ему, поди, без разницы, мужской или женский.

Мы стояли так минут десять. Этаж тонул во мраке, тишина зловещая, в такой обстановке чего только не привидится.

– Идем, – вдруг потянула меня Ленка за рукав. – Надо грабить и сматываться.

В тот момент мне очень хотелось «смотреться» без «грабить», но я устыдилась своего малодушия и сделала первый шаг, потом второй. Достала ключи. Ленка, точно сомнамбула, следовала за мной и вдруг хлопнулась на пол, нецензурно выругавшись. Вот вам и хорошее воспитание. Я схватила ее за шиворот, вынудив подняться. Ни страха, ни злости уже не было, лишь желание, чтобы весь этот идиотизм поскорее кончился. Я устремилась к Димкиному кабинету, и тут Ленка, внезапно обретя невероятную храбрость, опередила меня. Дверь перед ней чудесным образом открылась.

– Ой! – пискнула она. – Я нечаянно.

Мы переглянулись, а потом робко внедрились в кабинет. Жалюзи на окнах были опущены, и свет фонаря сквозь них почти не проникал, но глаза, привыкшие к темноте, предметы различали.

– Катька, почему дверь открыта? – зашептала придушенно Ленка.

– Откуда мне знать?

– Не нравится мне все это.

Она привалилась к шкафу и вроде бы отключилась, а я шмыгнула за стол и едва не заорала, обо что-то споткнувшись. Возле стены стояла картина. С болью душевной я подняла взгляд и увидела сейф. Открытый. И пустой. Машинально я сунула в него руку и даже немного пошарила. Пусто. Вот это да...

– Нас ограбили, – только и смогла выговорить я.

– Что? – пискнула Ленка.

– Ограбили нас, понимаешь! Из-под самого носа деньги уволокли!

– Как же так... – начала Ленка, но тут мы обе вынуждены были замолчать, потому что из-за двери послышался шорох, а затем дверь начала медленно открываться.

Ленка вжалась в стену возле двери, и я отметила, как это мудро: когда дверь откроется, Ленка окажется за ней, а вот я на самом виду. «Надо лезть под стол», – подумала я, но ноги были ватными и слушаться не желали. Я стояла и таращилась на дверь, хотя Ленка отчаянно махала руками, призывая меня скрыться с глаз.

Очень медленно дверь открылась, я увидела темный силуэт и в первый момент даже решила, что в глазах у меня двоится, потому что человек был в спортивном костюме и такой же дурацкой шапке, что и Ленка, и даже рюкзак на нем был подозрительно похож на наш. Но с мыслью об очередных глюках пришлось проститься – человек был значительно выше ростом коротышки Ленки и довольно широк в плечах. «Это грабитель, – озарило меня. – Деньги свистнул, а теперь вернулся».

Грабитель сделал пару шагов и тут, должно быть, разглядел меня. Я хотела заорать, но он меня опередил. Правда, орать не стал, но произнес вполне отчетливо:

– Ни хрена себе...

Выпучив глаза, я пыталась решить, что делать: заорать, чтоб сюда прибежала охрана, или попробовать договориться с грабителем, мол, расходимся по-доброму, раз уж нечистая сила некстати свела нас здесь.

Не знаю, до чего бы я додумалась и какие мысли бродили в голове грабителя, но тут очнулась Ленка, схватила какую-то коробку с журнального стола и со всей силы заехала ею грабителю по голове. То есть она-то метила в голову, а попала по шее, но и этого оказалось достаточно, чтобы он качнулся и начал заваливаться вправо. И тут Ленка треснула ему по голове еще, на сей раз попав. Он как-то странно пискнул и рухнул на пол.

– Что ты стоишь? – зашипела Ленка. – Сматываемся!

Я перескочила через поверженного врага, и тут мой взгляд уперся в его рюкзак. «Деньги», – озарило меня.

– Он деньги свистнул.

– Какие деньги, спятила?!

Однако я потянулась к рюкзаку. На счастье, он висел на одной лямке, и снять его оказалось легко. Ленка пританцовывала рядом, издавая непонятные звуки: то ли зубами клацала, то ли тихонько подвывала. Свое оружие, которое оказалось вовсе не коробкой, а ноутбуком, она прижимала к груди.

– Да шевелись ты! – взмолилась подруга, и мы бросились по коридору.

Не знаю, чем бы дело кончилось, но ко мне внезапно вернулся здравый смысл. Я схватила Ленку за руку.

– Не туда, в Наташкин кабинет. Там наши вещи, нельзя их здесь оставлять.

В Наташкином кабинете Ленка сразу же полезла в шкаф, все еще с ноутбуком в руках.

– Что ты делаешь? – разозлилась я.

– Я уж и сама не знаю. Ой, господи, чуяло мое сердце... До утра я не протяну, вот что хочешь делай, но я скончаюсь, свихнусь... я кусаться начну!

– Какое утро, дура? – огрызнулась я. – Надо отсюда срочно выбираться. Диму ограбили, охрана ментов вызовет... Что они, по-твоему, в шкаф не догадуются заглянуть?

– Как выбираться? Там же двери автоматические!

– Придется в окно. – Я схватила рюкзаки, радуясь, что мы заранее собрали свои вещи. – Идем. Ноутбук брось. Нет, не здесь, а то сразу догадаются, что мы тут прятались.

Я шагнула к двери, поражаясь стойкости своего организма, а главное, тому, что какие-то мысли все еще имеются в моей голове.

– Катенька, я тобой восхищаюсь, – залепетала Ленка. – Ты еще можешь соображать... А я уже ничего не могу! Только не говори, что мы должны туда вернуться, – с ноутбуком в руках продолжила она. – Вдруг этот тип уже очухался?

Мне и в голову не пришло возвращаться, потому что временно поверженный враг не давал покоя и мне. Очень хотелось поскорее смыться, чтоб ненароком не столкнуться с ним еще раз.

Тут Ленка вместо того, чтобы идти за мной, вновь принялась вибрировать и клацать зубами.

– Ты чего? – зашептала я. Если она надумает хлопнуться в обморок, нам конец. Хотя в экстремальных ситуациях человек способен на многое, но мне ни в жизнь не выбраться отсюда с тремя рюкзаками и Ленкой на закорках. Помимо лишних десяти килограммов, в ней еще положенные пятьдесят, а я не лошадь-тяжеловоз.

– Это что? – хриплым голосом спросила она, пристроив ноутбук на Наташкином столе и разглядывая свои руки в белых резиновых перчатках. – Катя, это кровь. Я сейчас умру.

– Где ты вывозилась? – вновь зашептала я, потому что на перчатках в самом деле виднелись темные пятна.

– Катя, я его убила. Это кровь. – Она понюхала свои руки и закатила глаза.

– Какая кровь? – перешла я на ласковое поскуливание. – Ты его ноутбуком треснула, а не руками.

– Я его убила.

– Глупостей не говори. Шевелись, а то сейчас убиенный очухается, и нам с тобой мало не покажется.

Я подхватила ноутбук под мышку, решив бросить его в коридоре, и вышла из комнаты. Ленка за мной.

– Запри дверь. Нет, лучше я сама. – Я вернула ей ноутбук и заперла дверь.

На этаже по-прежнему стояла тишина, и это хоть немного успокаивало.

– Спустимся на первый этаж по пожарной лестнице и попытаемся найти окно, через которое выберемся.

Я и сама в такое счастье не верила. В любой момент можно нарваться на охрану или на грабителя. А что, если он не один? Я вспомнила о смутных тенях, увиденных в коридоре, и похолодела. Да их здесь целая банда! Куда же охранники смотрят? Ну, хороши! Хотя... пусть еще немного побездельничают. Пока мы с Ленкой смотаемся.

Занятая своими мыслями, я на время забыла про Ленку. И совершенно напрасно. У нее тоже были мысли, и они погнали ее в женский туалет. Когда я вспомнила про Ленку, она уже распахнула дверь туалета и совершенно неожиданно завопила.

– Ты с ума сошла, что ли? – бросилась я к ней, но, признаться, тоже завопила. Потому что увидела ноги, которые не давали покоя Ленке. В туалете было окно, а напротив фонарь, и света было достаточно, чтобы отчетливо их увидеть. Ноги были не одни, а в комплекте – остальные части туловища покоились под раковиной и, вне всякого сомнения, принадлежали охраннику. На белой рубашке темнело подозрительного вида пятно.

Ленка, на которую вновь, как морской прилив, накатила отвага, шагнула к нему и опустилась на корточки.

– Катенька, – жалобно сказала она, – а парня-то убили...

– Кто? – Глупее вопроса не придумаешь, но в тот момент он был единственный, на что я оказалась способна.

– Тюрьма по нас плачет, – сурово ответила подруга. – Ни в жизнь не докажем, что не мы его кокнули.

А ведь точно. Грабить пришли, значит, и убить могли за милую душу.

– Бежим! – рявкнула я.

– А он?

– Чем ты ему поможешь?

И мы бросились по коридору к пожарной лестнице. Мысли в моей бедной голове путались, пока не возникла одна, но ясная. Орала мы громко, и охрана просто обязана была услышать нас в пустом здании. Телик они, что ли, смотрят? Или в наушниках сидят? А кто «сидят»-то? Охранников, должно быть, двое, и один из них лежит в женском туалете, причем, если верить Ленке, мертвый.

– Боже мой! – ахнула я.

Мы как раз спустились на первый этаж, свернули в коридор. Здесь горел свет, и в этом свете мы увидели жуткую картину. Второй охранник лежал на полу, раскинув руки, а над ним стоял тип в спортивном костюме и шапке с прорезями для глаз. В этот момент он как раз повернулся, а мы с разбега едва на него не налетели. «Как приключение-то быстро кончилось», – успела подумать я, ни мгновения не сомневаясь, что нас постигнет участь охранников. Но убийца повел себя загадочно – вскинул руки и заголосил:

– Я ничего не видел, я вообще здесь случайно!

– А-а!.. – заорала Ленка.

– А-а!.. – совершенно неожиданно заорал он, и мы бросились в разные стороны, он в левый коридор, мы – в правый.

Бежали мы до тех пор, пока не уперлись в стену, и тут опять в голову полезли мысли. Одна была настойчивее всех: надо выбираться из здания, пока мы здесь окончательно не спятили.

– Спокойно, Матрена! – громко сказала я, скорее себе, чем Ленке. Бог знает, с какой стати любимая папина присказка пришла мне сейчас в голову.

– Катенька, это я, Лена, – жалобно пискнула подруга, по-прежнему с ноутбуком в руках. – И я уже совершенно ничего не понимаю.

Я толкнула ближайшую дверь, и тут повалила удача: дверь открылась. Я с подозрением заглянула в комнату и увидела два кресла, стол с компьютером и вожделенное окно. Обычный стеклопакет, и никаких тебе решеток. Впоследствии выяснилось, что это была комната, где днем отдыхала охрана. Я распахнула окно, выбросила рюкзаки, пододвинула кресло, чтобы Ленка смогла взобраться на подоконник, и первой прыгнула на землю. Высота была приличная.

– А это куда? – спросила Ленка, показывая на ноутбук.

– Брось. – Она и бросила. И угодила мне в ногу, но я даже не обратила на боль внимания. – Прыгай, я тебя поймаю.

Я была уверена, что Ленку придется долго уговаривать, она со своей-то лоджии выбраться не в состоянии, но подружка выпорхнула, точно ласточка, и через мгновение оказалась в моих объятиях. Мы рухнули на землю, и Ленка сказала:

– Катенька, ты нас спасла. Я бы без тебя сто раз копыта отбросила.

– Ты б с меня слезла, а... – попросила я. – А то я копыта отброшу. – Ленка отползла в сторону, пытаясь отдышаться, но я ей такой возможности не дала. – Бежим! – Я схватила рюкзаки, а она ноутбук, дался он ей, но сейчас мне было не до этого.

Мы неслись по переулку, не особо заботясь о направлении, и тут опять поперли мысли. Я притормозила, и Ленка ткнулась носом в мою спину.

– Стоп, – сказала я. – Надо подумать.

– О чем? – забеспокоилась подруга.

– Диму ограбили. Там охрана. То ли раненые, то ли убитые. Убитые? – посуровела я, обращаясь к Ленке.

– Ну... Я не могу тебе вот так сразу ответить. Ты же знаешь, в каком я была состоянии.

– Где же менты-то? – начала гневаться я. – Людей убивают, а им и горя мало. Надо срочно звонить.

– Может, все-таки не надо? – заныла Ленка. – Я ведь дядьке по башке треснула... Ой, мои руки запятнаны кровью! – трагически воскликнула она. Многострадальный ноутбук полетел на землю, а Ленка уставилась на свои руки. В предутренних сумерках было отчетливо видно, что подруга на сей раз не фантазирует: на перчатках была кровь, и ноутбук также был окровавлен. – Ты видишь? Видишь? – возвысила она голос. – Боже, что я наделала! Я мечтала спасти людей, а вместо этого уколошила человека!

– Подожди, подожди, – заволновалась я, оглядывая ноутбук со всех сторон. – Кровь на нем есть, и тут я спорить, конечно, не буду. Но ты его сама запачкала. Видишь, везде отпечатки твоих пальцев, а просто крови нет. Видишь?

– Не вижу. Но ты все равно продолжай. Нет, и что?

– А то, что сначала кровь появилась на твоих руках, а уже потом ты испачкала ею ноутбук.

– Я не поняла, это хорошо или плохо?

– Хорошо, потому что никого ты не уколошила.

– Как же... я его по шее... и по голове...

– Чтобы человеку голову пробить такой штукой, надо так треснуть... Короче, твоих сил на это не хватит.

– Я на все согласна, лишь бы греха на моей душе не было. Катька, ты так нарочно говоришь, чтобы меня успокоить? – нахмурилась она.

– Нет, я пытаюсь разобраться в том, что произошло.

– Тогда разберись, откуда у меня на руках кровь.

– Давай мыслить дедуктивно.

– Давай, только я дедуктивно не умею.

– Тогда не перебивай. Ты пошла в туалет, в женский...

– Я только заглянула...

– Неважно. А в туалете был парень из охраны. Так?

– Но я его не трогала.

– Правильно. Зато ты шлепнулась в коридоре на ровном месте.

– Я поскользнулась, – обиделась Ленка.

– Отсюда вывод: очень может быть, что в тот момент ты руки в крови и испачкала.

– Не было там крови. Или была? А если была, то откуда? Охранник-то в туалете...

– Точно. Хотя убить его могли в коридоре, а в туалет потом оттащить.

– Господи, Катька, какая же ты умная.

– Само собой. Детективы читать надо. Это тебе не Лев Николаевич.

– Оставь графа в покое, дался он тебе, когда тут... – Она вытащила мобильный и начала набирать номер.

– Ты кому? – насторожилась я.

– Ментам и в «Скорую». Вдруг парни еще живы?

– С ума сошла – по своему телефону звонить? Нас же сразу засекут!

– Как?

– Откуда мне знать? У них там специальная аппаратура.

– Что ж тогда? Из дома звонить?

– Ты меня с ума сведешь. Из автомата. Карточка есть?

– Нет. Зачем? У меня же мобильный.

– Черт, и у меня нет. Что же делать? В супермаркете карточки продают. Давай туда, может, от нас чья-то жизнь зависит.

Мы собрались бежать в супермаркет, но тут из подъезда появилась бабуля с доберманом. Мы посмотрели на нее, она посмотрела на нас и заорала блажью.

– С ума сошла, старая, – изумилась Ленка.

И тут мы взглянули друг на друга. Мама дорогая, было от чего бабке вопить на всю улицу. Мы же до сих пор в шапках и перчатках, а Ленка еще с окровавленными руками.

Бабка юркнула в подъезд, снабженный домофоном, а доберман остался на улице. Естественно, доберман заинтересовался нами. У нас к нему интерес был вынужденный, и мы еле-еле добежали до соседнего подъезда, успев закрыть дверь перед носом псины. На наше счастье, жильцы здесь о безопасности особо не пеклись и замком не обзавелись.

– И что теперь делать? – тяжело дыша, спросила Ленка.

– Переодеваться.

Доберман исходил лаем за дверью, а мы торопливо стягивали костюмы. Картины одна страшней другой являлись мне: испуганная бабка, разъяренные соседи и, конечно, милиция.

– Что ты растягивался, придурок? – попробовала вразумить пса Ленка, натягивая джинсы. – Никогда не любила доберманов. Вот зловредная псина! Фазер хотел завести для охраны, хорошо, хоть за эту гадость полторы штуки заломили, а папа не дурак, чтобы деньги на ветер бросать. И чего только людям не спится? – с воодушевлением продолжила она. – В такую рань их на улицу тянет. Катька, как мы выйдем? – догадалась спросить она. – Животное ведь не отстанет.

– Придется рискнуть, бабка наверняка ментам звонит.

– Может, пес нас не узнает? Мы же переоделись.

– Он унюхает.

– Давай шмотки здесь бросим, может, он тогда усомнится?

– Нельзя шмотки бросать. Ты что, забыла? Это ж улики!

– Ну, я не знаю...

– Надо рискнуть. Так, на счет «три» открываю дверь...

Я открыла и тут же закрыла. То есть попыталась – зловредная скотина успела сунуть в щель морду с оскаленной пастью. Пришлось дать псу по носу ногой, чтоб закрыть дверь. После этого моего поступка нечего было и думать о том, чтобы подружиться с собачкой.

– Кранты, – запечалилась Ленка. – Сейчас менты приедут, а у нас в рюкзаках вещдоки и краденый ноутбук в придачу.

– Спрячь его в рюкзак.

– Думаешь, поможет? – Она перевела взгляд на грабительский рюкзак и вдруг спросила: – А деньги там?

– Наверное, – пожала я плечами.

– Давай посмотрим. Тяжелый. – Ленка сунула в рюкзак руку, замерла, а потом взглянула на меня с огнем в очах. – Нет здесь никаких денег. Тут какие-то железки.

– Ты, наверное, плохо смотрела, – заволновалась я.

– Хорошо я смотрела. Можешь сама посмотреть. На кой черт ты волокла эту грудку железа?

– Чего ж теперь... И здесь его не оставишь, улика, – вздохнула я.

Ленка тоже вздохнула:

– Катька, давай идею, как выбираться.

– Можно попробовать выбраться на крышу, а оттуда в соседний подъезд.

– Ага. Давай пробовать.

Только мы достигли площадки первого этажа, как ближайшая дверь открылась, и перед нами возник здоровенный дядька лет пятидесяти. Посмотрел на нас с подозрением и спросил:

– Вы чего тут?

– Дяденька, – запричитала Ленка. – Мы от собачки прячемся, она нас не выпускает.

Словно в подтверждение ее слов доберман утроил усилия. Дядя направился к двери подъезда, а мы укрылись за его спиной. Дверь он распахнул и сказал удовлетворенно:

– Цезарь, нечистая сила, ты чего растягивался? На гуляш пойдешь. Где твоя хозяйка, чтоб ей каждый день зятя в гости ждать?!

Цезарь чудесным образом успокоился, правда, косился в нашу сторону и время от времени рычал.

– Дяденька, вы его подержите маленько.

– Да он смирный, не бойтесь, – ответил дядя, ухватив зверя за ошейник. – Хозяйка-то твоя где?

Мы рысью припустили со двора, а на проспекте едва успели спрятаться за троллейбусной остановкой: к покинутому нами дому катила милицейская машина.

– Бабка вызвала, – пробормотала Ленка. – Катька, бежим отсюда, заметут.

– Куда ты, супермаркет в той стороне.

До супермаркета мы добрались минут за десять, потом еще искали телефон-автомат.

– Я тебя убью! – вдруг заорала Ленка.

– Ты чего, сдурела? – растерялась я.

– Не я, а ты. Дура, твою мать, ментам звонят без карточки!

– Думаешь, только у тебя мозги отшибло? – вздохнула я. – Дай я сама позвоню. Милиция? – заговорила я, услышав мужской голос. – Ограбление на улице Воровского, дом семь или пять, там, где турагентство «Вояж». Есть раненые.

– Ремня бы тебе, – ответил дядя.

– Придурок, адрес запиши! – заорала я и стала набирать номер «Скорой». – Раненые в офисе, срочно приезжайте!

– Адрес? – спросила женщина, как видно, никуда не торопясь. – Не спешите, я записываю. Что случилось? Понимаю, что раненые. Что конкретно произошло?

– Откуда мне знать?

– А мне откуда знать, какую машину посылать? Раненые разные бывают. Их ошпарило, по голове стукнули, или в яму упали, или, может, стеклом порезались?

– Откуда в офисе яма? – удивилась я.

– Вам лучше знать, что у вас там и откуда.

Я в досаде повесила трубку.

– Как думаешь, толк будет? – со вздохом спросила я Ленку.

Она пожала плечами:

– Кто ж знает.

– А по телику показывают: сразу по машинам, менты с автоматами, эти с каталкой, «мы его теряем»... Может, стоит подумать о смене профессии? – вторично вздохнула я.

– Поздно, – трагически ответила Ленка. – Что делать-то будем?

– Нет у меня уверенности, что эти деятели туда поедут. Может, вернемся и проверим?

– С рюкзаками?

– С рюкзаками, пожалуй, опасно. Давай сначала домой, а потом в офис.

Троллейбусы еще не ходили, и добираться пришлось пешком. Ленка молчала и сосредоточенно терла нос, мне тоже говорить не хотелось, мысли были невеселые. Нажили приключение. Никакого удовольствия, а страху натерпелись. И ребят жалко. Вдруг их вправду убили?

– Может, раненые, – словно читая мои мысли, пробормотала Ленка, заглядывая мне в глаза.

Я пожала плечами.

Войдя в квартиру, мы бросили рюкзаки в прихожей, Ленка сбегала в туалет, и мы отправились в офис. Первый троллейбус шел из парка, и водитель, увидев нас, притормозил, открыл дверь.

– Надо было Наташке позвонить, – вздохнула Ленка.

– Успеется.

– Она, поди, места себе не находит, ждет, надеется...

– Раньше одиннадцати она звонка не ждет. Мы сейчас должны сидеть в шкафу, а оттуда не позвонить, в смысле, если б охрана была на месте и все такое...

– Даже не верится, что все это было с нами. И как я не слегла до сих пор с острой сердечной недостаточностью? Что-то меня подташнивает, а перед глазами мушки прыгают. Должно быть, давление.

– Это от голодухи и недосыпа, – заметила я.

– Да? Умная. Кто из нас врач?

Троллейбус медленно ехал по спящему городу, а мы смотрели в окно и гадали, как все объяснить Наташке. И денег нет, и в такое вляпались...

– А некоторые еще нагло утверждали, что с ними никогда ничего не случается. Накаркала, ворона! – не к месту заметила Ленка.

Добравшись наконец до офиса, мы смогли убедиться, что жизнь здесь бьет ключом. Возле дверей стояли две милицейские машины и «Скорая». Народ, никак не меньше десяти человек, сутился поблизости. Тут показались санитары с носилками, и Ленка радостно взвизгнула:

– Живы охранники-то, живы.

– Откуда знаешь? – спросила я.

– Лица открытые, видишь? Если человек умер, лицо ему закрывают. Так положено. Ой, там Женька Игнатьев, пойду узнаю...

Не успела я сообразить, в чем дело, а Ленка уже подскочила к одному из санитаров. Носилки вкатили в машину, и парень закрывал дверь. Ленка стала с ним разговаривать, а я паслась в сторонке. Парня окликнули, он сел в машину, а Ленка вернулась ко мне.

– Женька говорит, у всех троих огнестрельное.

– Троих?

– Ага. Одного раньше увезли.

– Не стоило тебе с ним разговаривать, вдруг заподозрит чего.

– Да брось, нормальный парень, он у нас учится, на пятом курсе, а на «Скорой» подрабатывает.

В тот момент к офису подкатил «Мерседес», и из него появился Наташкин работодатель. Признаться, я никогда не могла понять, что такого нашла в нем подружка. Я имею в виду времена, когда он не был козлом, хапугой и обманщиком, а звался просто Димой. Только и хорошего в нем, что бржнет, но и это парня не особо красит, потому что на Димкином затылке уже наметилась лысина, которую он пытается скрыть, для чего отрастил волосы и стал зачесывать их назад. Невысокий, довольно щуплый, но уже с брюшком, лет тридцати пяти, что, по моему мнению, весьма близко к старости, голубые глаза такие маленькие и так глубоко посажены, что в смысле красоты от них тоже толку никакого. Нос широк и длинноват, а вот губы мне нравились. Наташка утверждала, что целуется он классно, и это я вполне допускала. Дима любил дорогие тряпки и носил в ухе сразу две сережки, не боясь прослыть педиком, за что я его уважала. Приятно, когда у людей есть убеждения.

Вообще, до трагических событий с деньгами, которые Дима подло умыкнул, я относилась к нему неплохо. Как к товарищу, я имею в виду. Наташке он, конечно, не пара, она себе десяток таких Дим найдет, а в остальном – нормальный парень. Когда выпьет, анекдоты травит, безропотно развозит нас по домам, даже в ресторан водит. Не часто, но пару раз такое случалось. Был он не то чтобы умен, но и не дурак. Конечно, «Джанго» от «Пятницы» он ни за что не отличит, но кран мне починил за десять минут.

Теперь Дима сурово хмурился, сразу направился в офис, но был остановлен бдительным сотрудником милиции. Дима принялся ему что-то объяснять, размахивая руками, все это мы

видели сквозь стеклянные двери. Близко подходить боялись, как бы нас Дима не заметил и не начал подозревать.

Ленка шмыгнула носом и неожиданно заявила:

– Диму жалко.

Я взглянула на нее с намеком на вопрос и изумление. По моему мнению, жалеть бы стоило нас самих – такие муки на себя приняли. И, подозреваю, это еще не все. Ленка пояснила:

– Ограбили его.

– Так мы тоже хотели его ограбить.

– Тише ты! То мы... Мы же только ради справедливости хотели, потому что сжульничал, а теперь выходит, что он безвинно пострадал.

– Знаешь что, идем-ка домой, нам еще Наташке звонить с радостной вестью.

Мы побрели к остановке и вскоре были уже недалеко от дома. Но позвонить Наташке не получилось – по дороге я вспомнила, что мы должны уничтожить вещдоки, Наташка ведь утверждала, что сделать это надо, ни минуты не медля, и я была с ней согласна. Если менты чего заподозрят... В общем, мы подхватили наши рюкзаки и потрусили к Наташке на дачу, которая находилась в десяти километрах от города, и туда ходил рейсовый автобус. Будем отчитываться перед Наташкой, хоть в одном порадуем: мол, никаких следов преступления.

Бензин мы нашли в положенном месте, но костер по неведомой причине разгораться не желал. Провозились мы долго и вконец измучились. Потом еще пепел по ветру развеивали. Ветра, кстати, тоже не было. В конце концов засыпали кострище землей, чтоб и следов не осталось, и с чувством выполненного долга вернулись домой.

– Кто будет Наташке звонить: ты или я? – спросила я Ленку.

– Давай лучше ты. Только поделикатней, а то брякнешь сразу... я тебя знаю, никакой интеллигентности.

– Тогда сама звони.

– Нет, я не могу. У меня нервы. Я практически сама не своя.

Я набрала номер и услышала Наташкин голос:

– Вы дома?

– Ага, – ответила я, прикидывая, как бы поинтеллигентнее сообщить о нашем несчастье. – Ты это... что сейчас делаешь?

– С тобой разговариваю, – насторожилась Наташка.

– Это понятно. А как разговариваешь? Сидя или стоя?

– Я вся издергалась, звонка ожидая. Телевизор пробовала смотреть, с трудом могу усидеть на месте.

– Значит, ты сидишь, – уточнила я. – Это хорошо.

– Катька, вы в офисе были? – посуровела Наташка.

– Были.

– Да? – Она вроде бы усомнилась.

– Да были, были!

– Что, в шкафу просидели? Ленка в панику, и ты у нее на поводу...

– Паника имела место, но мы взяли себя в руки.

– И чего?

– Знаешь, Наташка, ты это... лучше ляг, мне спокойнее будет.

– Хмырь увез деньги в банк? – трагическим голосом начала угадывать она.

– Вот на этот вопрос я тебе не отвечаю.

– Ты меня с ума сведешь! Вы у Димки были? Сейф вскрыли?

– У Димы были, а сейф кто-то вскрыл до нас. И вообще, там три охранника с огнестрельными ранениями, целый офис ментов, и Дима твой...

В трубке раздался страшный грохот, а Ленка, которая все это время стояла рядом и шипела мне: «Не спеши, поинтеллигентнее», заорала:

- Кто ж так человеку о горе сообщает, дура!
- Умная. Сообщала бы сама. Наташка, – позвала я. – Ты там как?
- Что с Димой? – прохрипела Наташка. – Он жив?
- Само собой, и охранники тоже вроде живы. Но все равно мы очень волнуемся...
- Немедленно, слышишь, немедленно объясни, что случилось!

Я принялась подробно излагать, как Наташка и просила, а она в Геленджике принялась стенать и охать.

- Чуяло мое сердце, нельзя вам было такое дело доверять, надо было самой...
- И что бы ты сделала? Деньги-то до нас свистнули.
- Все равно... вы наверняка все сделали неправильно, и теперь нас найдут.
- Мы действовали строго по плану.
- А следы?
- Какие следы? Мы в носках и перчатках... Мы и обулись-то только в подъезде, так в носках по городу и чесали.
- Все равно... Что-нибудь не так, уж я-то знаю. Я немедленно вылетаю.
- Не вздумай, – посуровела я. – Сидите в Гаграх, Наталья Петровна!
- Я в Геленджике.
- Какая, на хрен, разница? Сидите, где сидите. Вам об ограблении знать не полагается.

С какой стати вы стали бы прерывать свой законный отпуск?

- Вы без меня не справитесь.
- А чего справляться? Вещдоки сожгли, наше дело сидеть тихо и не высовываться. Пусть менты ищут, кто в охрану стрелял и Диму ограбил. Мы-то здесь при чем?
- Ой, не знаю... Я тут с ума сойду, какой, к черту, отдых!

Мы еще немного поохали, потом погадали, кто нам такую свинью подложил. У Наташки идей не было, а у нас тем более. Одно ясно: кто-то о деньгах знал и их раньше нас прикарманил. Мы опять поохали, погадали и наконец простились.

- Что делать, что делать? – закатывая глаза, вопрошала Ленка.
- Лично я спать ложусь, – заявила я и в самом деле направилась в спальню.
- Я фазеру позвоню и тоже лягу, – согласилась со мной Ленка.

Я было хотела принять душ, но даже на это сил не оказалось. Забралась под одеяло, мгновенно уснула и проснулась лишь в семь часов утра. Потянулась и обнаружила, что Ленки рядом нет. Это, признаться, удивило. Когда она ночевала у меня, мы всегда ложились вместе, даже если родители отсутствовали, чтоб можно было поболтать, музыку послушать. Конечно, Ленка могла уже встать, но в это не верилось, потому что она обычно дрыхнет до обеда.

Заподозрив очередную каверзу судьбы, я вышла из своей комнаты и прошлась по квартире.

- Катька, – позвала Ленка из родительской спальни. – Проснулась?

Я распахнула дверь, и странное зрелище предстало моим очам. Ленка сидела на кровати поверх одеяла, обложившись подушками, на блюдечке остатки пирожных, рядом гора яблочных огрызков, настольная лампа горит, хотя в комнате давно светло, физиономия у Ленки осунувшаяся, глаза красные, что прозрачно намекало на то, что всю ночь Ленка не спала.

Но не этот факт потряс меня, я перед экзаменом, бывает, тоже не сплю. На широкой родительской постели лежали мои любимые детективы, а один, можно сказать, самый любимый, покоился у Ленки на коленях, раскрытый примерно на двухсотой странице.

- Ты чего? – спросила я, некоторое время стоя с открытым ртом.
- Вот, ума набираюсь, – вздохнула Ленка, глядя на меня с томлением. – Я уж третью книжку читаю, но пока ничего похожего не нашла.

– Похожего на что? – продолжала я пребывать в прострации.
– На нашу трагическую историю. Хотелось бы знать, чего следует ожидать от жизни.
– А чего следует? – вздохнула я. – Пусть менты ищут, кто Диму ограбил, мы в таком деле все равно не разберемся.

– А вот здесь две подружки сами...

– Ну, так то же не взаправду. Это же выдумка. В детективе мы бы непременно деньги сперли. А в жизни что вышло? Так что нам следует сидеть тихо и надеяться, что преступников найдут.

– Ох, уж и не знаю, – снова вздохнула Ленка с томлением, которое начинало сильно меня беспокоить.

– Чего ты не знаешь?

– Катенька, мне тебе кое-что сказать надо. Ты чего в дверях стоишь? Ты лучше сядь.

– Зачем? – заволновалась я еще больше, пытаюсь отгадать, чего такого Ленка могла сотворить за то время, пока я спала.

– Ну... у меня есть новости, их лучше выслушать сидя.

– Нас кто-то видел? – плюхаясь на кровать, спросила я. – Менты уже звонили...

– Никто не звонил. Катенька, какие у тебя волосы красивые, – поглаживая меня по голове с видом доброй феи, продолжила подружка. – И вообще ты красавица.

– Хватит подхалимничать, гони свою новость.

– Нам на психологии говорили, что человека надо подготавливать к трагической вести постепенно. К примеру, если умирающий...

– С родителями несчастье? – побледнела я.

– Надеюсь, с ними все в порядке.

– Черт бы тебя побрал! – заорала я. – Говори, в чем дело!

– Катька, ты лучше ляг и дай мне возможность все сделать правильно, по-научному.

– Не буду я ложиться, а если немедленно не скажешь, что случилось, дам по носу!

– Держи себя в руках. Каждому человеку на долю выпадают испытания, и теперь, стало быть, наша очередь пришла. Не будем роптать, а... – Тут до нее дошло, что через мгновение придется вопить, потому что нос точно пострадает, и она деловито продолжила: – Надеюсь, ты помнишь, что у меня болят ноги?

Тут надо пояснить, что Ленка учится в медицинском, она у нас скоро станет доктором. Лечить людей ее призвание, но, слава богу, до них ее пока не допускают, и она лечит в основном себя. Меня, конечно, тоже пробовала, но я не только от лекарств, но и от витаминов наотрез отказалась, заявив, что здорова, как лошадь, и организм мой в улучшениях не нуждается. Наташка тоже не далась, и Ленка сосредоточилась на себе. Болезней у нее было великое множество, а в этом месяце она страдала ногами. Обо всех лекарствах Ленка знала больше, чем моя бабушка о Троянской войне (а бабуля о братьях Аяксах говорит так, точно они ее соседи по лестничной клетке), и всегда выбирала все самое лучшее. Фазер ее страсть к лечению охотно поддерживал и на бабки не скупился – если первой его заботой была Ленкина безопасность, в смысле того, чтоб дочурку не умыкнули и не совратили, то вторым пунктиком было ее здоровье. Его послушать, так у нас народ мрет, как мухи, и обязательно в цветущем возрасте. Короче, в этом месяце Ленка лечила ноги и дважды в день мазала их мазью. И мне предлагала в профилактических целях.

– Ну и чего ноги? – заметно успокоившись, спросила я.

– Сама понимаешь, когда идешь на дело, о ногах следует заботиться. А ну как подведут в самый неподходящий момент?

– Разумно, – согласилась я.

– Конечно, разумно. Вот я и взяла с собой асклезан.

– Эту твою мазь?

– Таблетки. Лекарство еще в таблетках выпускают. И я решила, что в военно-полевых условиях, в которых мы будем находиться, таблетки предпочтительней.

– Ты вроде никаких таблеток не пила, – нахмурилась я. – В шкафу, я имею в виду.

– Конечно, на нервной почве я о своем здоровье совершенно забыла. А вчера вечером вспомнила, хотела выпить таблеточек, а их, Катенька, и нет.

– Позавтракаем, ходим в аптеку, – утешила я.

– Это, конечно, обязательно, – кивнула Ленка. – Беда в том, что вчера-то они точно у меня были, когда мы на дело шли. А когда вернулись, их уже нет.

– Ты хочешь сказать, что потеряла таблетки в офисе?

Ленка кивнула и замерла, втянув голову в плечи, точно ожидая, что потолок рухнет. Минуту я сидела молча, размышляла, потом пожала плечами.

– Ну и что? Не у одной тебя ноги болят. Вот если бы какое специфическое заболевание, вроде сибирской язвы, это улика, а так...

– Ты знаешь что, Катя, ты лучше все-таки ляг.

– Не хочу я ложиться, а ты кончай дурака валять. Напугала до смерти.

– Катенька, там на таблеточках твой мобильный записан, – скороговоркой сообщила Ленка. Я хлопнула ресницами и замерла. – И теперь я в совершенном потрясении. Что, если они вылетели из кармана, когда я дядьку ноутбуком по башке огрела? В самом, так сказать, преступном месте.

– Больная ты на голову, а не на ноги! – заорала я. – На кой черт ты телефон на таблетках написала?

– Ты же номер сменила, помнишь, на прошлой неделе? А звонила мне на домашний, я чай пила, идти за мобильным мне не хотелось, бумажки под рукой не было, только авторучка, а тут таблеточки асклезана на столе, я и записала. Кто же знал...

– Ох, – только и смогла произнести я, легла, сложила руки на груди и даже глаза закрыла, чтоб Ленку не видеть.

– Катька, что теперь будет? – робко спросила подружка минут через пять.

– Абзац нам будет. Полный, – не стала я скрывать неутешительный прогноз.

– Почему же сразу абзац? Неужели нет никакого средства...

– Средство есть: утопиться, чтоб не мучиться.

– Не пугай меня, я и так вся на нервах. Но ты же такая умная, детективы читаешь, ты должна знать, как действовать в подобных ситуациях. Я вот кое-что освоила, и некоторые мысли даже у меня появились, а ты сколько лет...

– Стоп, – сказала я, поднимаясь. – Был похожий случай. В одной книжке мужик тоже потерял пузырек с лекарством, на котором был написан номер телефона.

– И что? – потянулась ко мне Ленка, точно одуванчик к весеннему солнцу.

– Ничего хорошего, – грустила я. – Взяли дядю за жабры.

– Посадили?

– Он предпочел покончить жизнь самоубийством.

– А пооптимистичнее ты ничего вспомнить не можешь?

Я поскребла затылок.

– Когда героини моих любимых детективов оказываются в паршивой ситуации, они принимают контрмеры.

– Вот это правильно, – закивала Ленка. – А какие?

– Проводят свое расследование. И когда менты на них выходят, они им готовенького убийцу предоставляют, то есть он уже практически в наручниках.

– Здорово. Значит, и нам так надо поступить. Не будем терять время и начнем прямо сейчас.

Если честно, у меня не было Ленкиного оптимизма, но, пожалуй, ничего другого не оставалось.

– Давай попробуем. Первое: надо выяснить, кому мешал Дима. Кому была выгодна его гибель.

– Дима погиб? – ахнула Ленка.

– Тьфу ты! – в досаде плюнула я. – Дима жив, конечно. Но приличный детектив всегда начинается с убийства, вот меня и перекосило.

– А ты не можешь припомнить детектив, где все начинается с ограбления?

– Могу, – кивнула я. – Но там тоже дядьку убили. Преступники пришли кафе грабить и застрелили бедолагу. Как бы случайно. Потом оказалось, что грабеж – чистая липа и целью было именно того дядьку убить.

– А про сейф ничего не было?

– Не было.

– Нам нужны какие-нибудь зацепки. Во всех детективах они есть, и у нас должны быть.

– У нас же рюкзак есть, – озарило меня.

– Господи, ну конечно! – обрадовалась Ленка, и мы бросились в прихожую, где до сих пор стоял грабительский рюкзак.

Я торопливо его открыла и первым делом вытащила ноутбук, который запихнула туда Ленка. В рюкзаке были подозрительного вида инструменты.

– Чего это такое? – заволновалась Ленка.

– Что-нибудь для вскрытия сейфов, воровской инвентарь.

– Отнесем в милицию, скажем, что нашли, – высказалась Ленка.

– Где? Возле твоего дома?

– Почему возле моего? – обиделась подружка.

– По кочану. Менты что, дураки, по-твоему? Да они в три счета раскусят все твои хитрости. И все: прости-прощай, дорогой институт, отчий дом и возможное замужество. «Таганка, я твой бессменный арестант...»

– Надо выбросить эту дрянь немедленно. Почему мы раньше этого не сделали, когда вещдоки жгли?

– Нельзя выбросить, – в крайней досаде ответила я. – Это же доказательство его вины. Менты грабителя найдут, а доказательств нет. Мы не имеем права так поступать с важной уликой.

– Что же делать? Если эту гадость в твоей квартире найдут, нам несдобровать.

– Вот что, – порадовалась я свежей идее. – Надо его закопать. На участке. И нас не заметут, и при необходимости всегда его можно вырыть.

– Гениально, – восхитилась Ленка. – Хотели зарыть деньги, зароем чужой рюкзак. Цветок сажать будем?

– Обойдемся.

– А что с ноутбуком, выбросим?

– Надо его Диме вернуть.

– Зачем?

– Затем, что нехорошо брать чужое.

– И как, скажи на милость, мы его вернем?

– Пойдем в турфирму и оставим его ближе к Димкиному офису.

– Я не пойду, – честно предупредила Ленка. – Я до смерти боюсь. Я теперь тот дом за версту обходить буду и всю улицу Воровского в придачу.

В настоящий момент обсуждать это я не хотела и заговорила о насущном:

– Давай посмотрим, что в рюкзаке есть. Обязательно должна быть зацепка – обрывок железнодорожного билета с именем владельца или рецепт.

Ленка с воодушевлением общарила рюкзак, но, ничего не найдя, сказала с обидой:

– Нет здесь никакого рецепта.

– Так не бывает, – не поверила я, подозревая: что-то в моей жизни не так. Зря я, что ли, тяжеленный чужой рюкзак на себе таскала, обязательно должна быть зацепка.

Отобрав рюкзак у Ленки, я тщательно его осмотрела, каждый кармашек, каждый шовчик, все как в моих любимых детективах. И ни малейшего намека на улику! Подкладку даже оторвали – и там ничего.

– Давай среди железок хорошенечко поищем, – видя мои страдания, предложила Ленка. – Может, на них какое тайное клеймо обнаружится...

– Ага, имя и фамилия владельца, – съязвила я, хотя, конечно, на Ленку я злилась зря. Она сразу же надулась и сказала:

– Ну и ищи сама свои улики.

В общем, мы вместе тщательно осмотрели весь инструмент, но никакого клейма, ни тайного, ни явного, не оказалось.

– Запихивай все назад, и пойдем закапывать, – вздохнула я.

И тут у меня зазвонил мобильный. Я машинально ответила «да», а вот мне ничего не сказали, однако и не отключились.

– Да, – повторила я. И вдруг до меня докатило, и я прямо-таки похолодела. Дала отбой и уставилась на Ленку.

Она приложила руку к груди и пробормотала:

– Абзац.

Выглядела подруга при этом так паршиво, что я из чистого человеколюбия произнесла:

– Может, кто просто ошибся?

– Это менты. Таблеточки мои нашли и проверяют. Сейчас приедут, а у нас тут воровской инструмент. Выбрось его немедленно! – заорала она.

– Что ты орешь? Нельзя его выбрасывать. Поедем зарывать, пока не поздно.

И мы опять поехали к Наташке на дачу. Но по дороге решили, что Наташкина дача для сокрытия улик никак не подходит, ментам ничего не стоит перерыть весь участок в поисках вожделенных вещдоков, и тогда нам несдобровать, еще и Наташку подведем. Ленка предлагала звонить подруге, настаивая, что такое решение надо принимать коллегиально, но я предложила рюкзак спрятать, а уж потом дискутировать. В конце концов, никто не мешает нам позднее изъять его из одного места и укрыть в другом. Ленка со мной в принципе соглашалась, хоть и бубнила, что мы всегда все делаем по-моему. Так как к тому моменту на Наташкину дачу мы уже приехали, то решили не мудрить, а закопать рюкзак у картофельника ближе к лесу. Как-никак в досягаемой близости, но уже ни на чьей территории. Менты не докажут, что рюкзак имеет к нам какое-то отношение, да и перекапывать здесь все замучаются.

Почувствовав облегчение от того, что избавились от опасной улики, мы устроились на крылечке дачи и позвонили Наташке.

– Ну, что? – ахнула она, как видно, ничего хорошего не ожидая.

– Докладываю: рюкзак благополучно зарыли.

– Какой рюкзак? Ты мне про рюкзак ничего не рассказывала.

– Правда? – удивилась я. – Должно быть, забыла. Ничего удивительного, когда такое творится.

– Немедленно объясняй, что за рюкзак такой.

– Рюкзак был у грабителя, и я его прихватила, когда Ленка дядю ноутбуком отоварила. Надеюсь, что там деньги, а там какие-то железки. Мы с Ленкой посоветовались и решили, что это воровской инвентарь.

– Час от часу не легче.

– У нас еще Димин ноутбук, надо его как-то возвращать. Давай идею.

- Ноутбук-то вам зачем понадобился? – удивилась Наташка.
- Сестрица твоя к нему душой прикипела, так и бежала с ним через весь город.
- Дима без него обойдется, – подумав, сказала Наташка. – Заройте его вместе с рюкзаком.

А еще лучше – просто выбросьте.

– Как же я могу его выбросить, если он не мой? Выходит, мы его украли, а мне чужого не надо.

– Ты меня с ума сведешь. Выбросьте его, и дело с концом. Дима не обеднеет. Этот гад мне звонил вчера.

– И что? – насторожилась я.

– Спросил, как отдыхаю.

– Об ограблении что сказал?

– Ничего. Я ему: «Как дела?» А он мне: «Нормально, жду не дожусь, – говорит, – когда ты вернешься». Очень просил ему не изменять.

– И что ты об этом думаешь? – забеспокоилась я. – Почему он об ограблении ни слова?

– Не знаю, что и думать. То ли денег в сейфе не было, то ли темнит, а может, меня расстраивать не хочет. И ведь не спросишь!

– По-любому должен был об ограблении сообщить, – затараторила Ленка, отобрав у меня телефон. – Даже если денег не было. Про охрану должен был сказать, не каждый день в людей стреляют.

– Но не сказал, и этому должна быть причина, – глубокомысленно изрекла я. – Наташка, он тебя подозревает, оттого и помалкивает. Будь осторожна.

– Может, мне какую аллергию выдумать и вернуться? – вздохнула она. – Я тут вся извелась. И вы без меня...

– Нормально мы без тебя, справляемся. Рюкзак зарыли, компьютер выбросим, и будет полный порядок.

– Еще новости есть? – спросила Наташка.

Мы с Ленкой переглянулись. Хоть и не хотелось Наташку расстраивать, но врать я не рискнула.

– Есть, но лучше бы их не было.

– Ой! – пискнула подруга. – Чего еще?

– Лекарица наша в офисе таблетки свои потеряла. А на них мой мобильный записан.

В трубке, как и в прошлый раз, что-то грохнуло, надеюсь, все-таки не Наташка. Ленка погрозила мне кулаком и зашипела:

– Надо было подготовить.

– Наташка, – позвала я, – ты там как? Извини, что я так сразу, психологи советуют...

– Я эту лекарицу!.. – заорала Наташка. – Да какой дурак на таблетках телефон пишет? Написала бы сразу адрес. Ой, нет моих сил пережить все это. Она их в моем кабинете оставила?

– Кабы знать... – ответила я.

– Если в кабинете, так ничего страшного, скажу, мои таблетки. А если...

– Мне сегодня уже звонили, – сообщила я покаянно. – Правда, ничего сказать не пожелали.

– Это не милиция, – еще больше заволновалась Наташка. – Милиции ни к чему звонить и помалкивать.

– А кто тогда? Может, просто номером ошиблись? – решила я помечтать. – Слышат, голос незнакомый...

– А что, если это?.. – начала Наташка, и тут повисла гнетущая пауза.

– Ох, – жалобно сказала я, не вынеся тишины, а Наташка заголосила:

– Я немедленно вылетаю!

– Нет уж, – мужественно остановила подругу я. – Сделаешь только хуже. У меня большой детективный опыт, и я точно знаю: когда дергаться начинаешь, быстрее засыпешься. Так что ты там загорай, а мы посмотрим, что дальше будет.

– Я ничего не поняла, – жалобно заговорила Ленка, когда я убрала телефон. – Если не милиция, то кто тогда звонил?

– Кто-кто, конь в пальто. Таблетки мог найти грабитель.

– И зачем ему тебе звонить? Из-за этих железок?

– А затем, убогая, что мы свидетели ограбления, а свидетели, как известно, долго не живут.

– Ой, как сердце-то защемило, – закатила глаза Ленка. – А у меня и таблеточек нет.

– У тебя? Ни за что не поверю.

Ленка без таблеток никуда, у людей косметичка, а у нее с собой целая аптека.

– Я после этого трагического случая и носить-то с собой ничего не смогу. Катенька, скажи, пожалуйста, что тебе подсказывает твой детективный опыт? Чего нам следует ждать?

– Ну... – Я прикинула и так и эдак, и вышло, что ничего хорошего. – В моих любимых детektивах к героине в таком случае навевывались мордастые ребяташки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.